

МОСТ В ТЕРАБИТИЮ

КЭТРИН ПАТЕРСОН

Лауреат премии
Х. К. Андерсена,
лауреат премии
А. Линдгрена

КЭТРИН ПАТЕРСОН МОСТ В ТЕРАБИТИЮ

ПОЧТИ ВЗРОСЛЫЕ КНИГИ

ПОЧТИ ВЗРОСЛЫЕ КНИГИ

Имя американской писательницы Кэтрин Патерсон широко известно за пределами Соединенных Штатов. Ее литературное мастерство было отмечено огромным количеством международных и национальных наград в области детской литературы, среди которых самые почетные — медаль Х. К. Андерсена и премия А. Линдгрена. Одно из самых известных произведений Патерсон — роман «Мост в Терабитию». В 2007 году на широкий экран вышел одноименный фильм. В разные годы книга была удостоена следующих наград:

МЕДАЛЬ НЬЮБЕРИ (США)

•
ПРЕМИЯ «КНИЖНАЯ ПОЛКА
ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА» (США)

•
МЕДАЛЬ ЯНУША КОРЧАКА (ПОЛЬША)

•
ПРЕМИЯ «СЕРЕБРЯНЫЙ КАРАНДАШ»
(НИДЕРЛАНДЫ)

ISBN 978-5-389-09485-7 01

9 785389 094857

© Entertainment Pictures

ЕАС

**ПОЧТИ
ВЗРОСЛЫЕ
КНИГИ**

К Э Т Р И Н   П А Т Е Р С О Н

МОСТ ^В ТЕРАБИТИЮ

Санкт-Петербург

УДК 087.5
ББК 84(4Coe)-44
П 20

Katherine Paterson
BRIDGE TO TERABITHIA

Copyright © 1977 by Katherine Paterson
All rights reserved

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *Натальи Трауберг*
Серийное оформление *Татьяны Павловой*
Иллюстрации в тексте *Анны Власовой*

Патерсон К.

П 20 Мост в Терабитию : роман / Кэтрин Патерсон ; пер. с англ. Н. Трауберг. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 144 с. — (Почти взрослые книги).

ISBN 978-5-389-09485-7

Имя американской писательницы Кэтрин Патерсон широко известно за пределами Соединенных Штатов. Ее литературное мастерство было отмечено огромным количеством международных и национальных наград в области детской литературы, среди которых медаль Х. К. Андерсена, премия А. Линдгрена и две медали Ньюбери. Писательница находит в себе смелость говорить о таких «неудобных» вещах, как боль, непонимание, одиночество и даже смерть. Истории Патерсон не всегда хорошо заканчиваются, но они всегда проникнуты надеждой. Именно такие книги помогают юному человеку взрослеть.

Десятилетний Джесси Эронс здорово рисует, только мало кто об этом знает. Родители едва сводят концы с концами — им не до фантазий сына, а сестры, если проведут, примутся доносить насмешками. Но вот однажды у Джесси появляется новая соседка — его сверстница Лесли Бёрк. Она совсем не такая, как остальные его одноклассники: и одета странно, и телевизора у нее нет. Зато она знает кучу разных историй и с ней можно разговаривать о чем угодно. И даже вместе отправиться в сказочную страну — Терабитию...

В этой пронзительной и мудрой книге речь идет о мужестве быть самим собой и о том, как тяжелая утрата помогает стать сильнее и обрести собственный путь. В 1978 году за роман «Мост в Терабитию» Кэтрин Патерсон была награждена самой почетной премией США в области детской литературы — медалью Ньюбери.

УДК 087.5
ББК 84(4Coe)-44

© Н. Трауберг (наследник), перевод, 2015
© А. Власова, иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09485-7

Глава первая

ДЖЕССИ ОЛИВЕР ЭРОНС-МЛАДШИЙ

«Ба-рум, ба-рум, ба-рум, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти». Так. Отец заводит пикап. Вот уже вроде уехал. Теперь можно вставать. Джесс выскользнул из постели прямо в комбинезон. Рубашку он презрел — едва начав бегать, он распарится, как шварки на сковородке, даже если утро будет прохладным; презрел и обувь, потому что подошвы ног стали твердые, как ношенные кеды.

— Куда ты, Джесс? — Мэй Белл приподнялась спросонья на двуспальной кровати, где спала вместе с Джойс Энн.

— Ш-ш-ш-ш, — поднял он палец к губам. Стены были тонкие. Мать будет злиться, как увязшая в меду муха, если они разбудят ее в такое время.

Он потрепал Мэй Белл по головке и подтянул сползшее одеяло к ее маленькому подбородку.

— Я только на коровий выгон, — шепнул он.

Мэй Белл улыбнулась и зарылась под одеяло.

— Бегать будешь?

— Может быть.

Само собой, он будет бегать. Все лето, каждый день, он вставал спозаранку именно для того, чтобы бегать. Он рассчитал, что, если упорно тренироваться — а Бог свидетель, что он тренируется! — можно уже в начале учебного года бегать быстрее всех в классе. Он просто обязан стать самым быстрым — не просто быстрым и не «очень-очень», а первым, лучшим из лучших.

Он на цыпочках вышел из дома. Половицы рассохлись и хрипловато взвизгивали, едва поставишь ногу, но Джесс обнаружил, что, если ходить на цыпочках, они только стонут, и обычно выходил во двор, не разбудив ни матери, ни Элли с Брендой, ни Джойс Энн. Мэй Белл — другое дело. Ей шел седьмой год, и она его боготворила, а это иногда и неплохо. Когда ты единственный мальчишка среди четырех девчонок и две старшие тебя презирали с тех пор, как ты не разрешаешь себя наряжать и катать в ржавой кукольной коляске, а самая маленькая плачет, чуть на нее зыркнешь, приятно со-

знавать, что кто-то тебя боготворит. Но иногда — и неловко.

Он припустил рысцой через двор. Из рта выходили облачка пара, для августа было прохладно. Правда, еще рано. К полудню, когда он потребуется маме по хозяйству, будет ничего.

Мисс Бесси сонно пялилась на то, как он перебирается через кучу мусора, прыгает через изгородь и выбегает на выгон. «Му-у-у», — сказала она, сонными карими глазами напоминая Мэй Белл.

— Привет, Мисс Бесси, — успокоил ее Джесс. — Спи, чего встала.

Мисс Бесси передвинулась туда, где трава свежее, — почти все поле было бурым и сухим — и выщипнула клоч травы.

— Молодец. Ты знай себе завтракай. На меня не гляди.

Джес всегда начинал с северо-западного угла, принимая низкий старт, как бегуны, которых он видел на канале «Широкий мир спорта».

— Марш! — сказал он и сорвался в полет вокруг коровьего выгона.

Мисс Бесси перешла к центру, следя за ним вялым взором и неторопливо жуя. Даже для коровы она не казалась сообразительной, но посторониться с дороги ума у нее хватало.

Соломенно-желтая шляпа больно билась о лоб, руки и ноги летели кто куда. Он никогда не брал уроков бега, но для десяти лет был долговяз, и упорства ему хватало.

А вот начальной школе в Ларк Крик не хватало почти всего, особенно спортивной амуниции, так что все мячи на большой перемене доставались старшим классам. Даже если пятиклассник появлялся с мячом, можно было поспорить, что через полчаса тот окажется у шестиклассника или семиклассника. На сухом центре верхнего поля старшие мальчики всегда играли в мяч, а девочки занимали небольшой сектор для классиков, скакалок и светской болтовни. Так что ребятам из младших классов оставалось только бегать. Они выстраивались в ряд на дальнем конце нижнего поля, а там или одна грязь, или глубокие твердые выбоины. Эрли Уотсон, который бегал плохо, но орал хорошо, командовал: «Марш!» — и все пускались наперегонки до черты, протоптанной ими же на другом конце.

В прошлом году Джесс однажды выиграл — не только первый забег, но и все соревнование. Всего однажды. Но во рту у него остался привкус победы. С того самого дня, когда он пошел в первый класс, он всегда был «этим психом, который вечно выкома-ривается». Но вот — это случилось двадцать второго апреля, в понедельник — он их всех обогнал, хотя красная глина проникала в его дырявые кроссовки.

Весь остаток дня и завтра до самого обеда он был «самым быстрым мальчиком в третьем, четвертом и пятом классе», а учился всего в четвертом. Во вторник опять, как всегда, выиграл Уэйн Петтис. Но в этом году тот перейдет в шестой. До самого Рож-

дества он будет играть в футбол, а потом до июня — в бейсбол с большими мальчиками. Так что шанс опять есть, и Мисс Бесси подтвердит, что в этом году победит Джесси Оливер Эронс.

Джесс сильнее сжал кулаки и, наклонив голову, нацелился на дальнюю изгородь. Он уже слышал, как третьеклассники криками подбадривают его. Они будут лебезить перед ним, как перед рок-звездой, а Мэй Белл лопнет от гордости. Самый быстрый, самый лучший — *ее брат*. Первоклашкам будет о чем подумать.

Даже отец будет им гордиться. Джесс вписался в поворот. Ему пришлось снизить темп, но он еще немного пробежал по инерции, так накапливают силы. Мэй Белл скажет отцу, и никто вякнуть не посмеет, что это он сам нахвастался. Может быть, отец будет так горд сыном, что забудет, как устал после долгой дороги в Вашингтон и обратно, как целый день вкалывал. Он опустится прямо на пол, и они будут бороться, как раньше. Ей-богу, старик удивится, каким сильным стал сын за последние года два.

Тело молило остановиться, но Джесс понукал его. Он должен показать своей слабой дыхалке, кто из них хозяин.

— Джесс! — это из-за мусорной кучи завопила Мэй Белл. — Мама говорит, иди покушай. Подоить сможешь позже.

А, черт! Выходит, он забегался. Теперь все узнают, что он уходил, и примутся его отчитывать.

— Иду! — Он на бегу развернулся и взял курс на мусорную кучу. Не сбиваясь с ритма, он перепрыгнул изгородь, перемахнул через кучу, отвесил Мэй Белл подзатыльник («У-у-у-у-у!») и припустил к дому.

— Да-а-а уж, погляди-ка на этого олимпийца, — сказала Элли, ставя на стол две чашки с таким стуком, что выплеснула крепкий черный кофе. — Вспотел, как мул колченогий.

Джесс откинул с лица волосы и плюхнулся на деревянную скамейку. Он вывалил в свою чашку две ложки сахара и отхлебнул, чтобы не ошпарить рот.

— О-о-о-о, мамочки, а воняет-то как! — Бренда зажала нос изящно изогнутым мизинчиком и большим пальцем. — Загони его помыться.

— Иди сюда, к мойке, и хорошенько вымойся, — сказала мать, не поднимая глаз от плиты. — Давай шевелись. Овсянка подгорает.

— Мамуль! — захныкала Бренда. — Не на-адо!

Боже мой, как он устал. Буквально все мускулы ныли.

— Ты слышал, что мама сказала? — завопила Элли у него за спиной.

— Мамуль, я не могу-у! — ныла Бренда. — Скажи ему, чтобы он сюда не садился.

Джесс лег щекой на нетесаное дерево столешницы.

— Джесс-си-и! — Теперь уже мать смотрела на него. — И рубашку надень.

— Да, ма. — Он поплелся к мойке. Вода, которой он побрызгал подмышки и лицо, кололась, как лед. По горячей коже поползли мурашки.

Мэй Белл стояла у кухонной двери и глядела на него.

— Подай-ка мне футболку, Мэй Белл.

Вроде бы она изготавилась сказать «фиг тебе», но проговорила: «По голове бить не надо» — и покорно пошла за футболкой. Добрая старая Мэй Белл. Джойс Энн до сих пор бы вопила от такого легкого тычка. От этих малявок одно горе.

— У меня сегодня утром забот полон рот,— объявила мать, когда они съели овсянку с мясной подливкой. Его мать была родом из Джорджии и готовила так, как там принято.

— Ой, мамуленька! — хором запищали Элли с Брендой. Эти девчонки умели отлынивать от работы быстрее, чем кузнечик проскочит между пальцами. — Мамуль, ты обещала, что разрешишь нам съездить в Миллсбург за школьными покупками.

— Да у вас денег нет!

— Мамуль! Мы только посмотреть. — (Ой, господи, только бы Бренда перестала так скулить!) — А как же Рождество? Ты же не хочешь, чтобы мы остались без никаких развлечений!

— *Совсем* без развлечений, — поправила ее Элли.

— Ох, заткнись ты!

На Элли это не подействовало.

— Мисс Тиммонс за нами заедет. Я сказала Лолли, что ты не против. Теперь мне что ж, звонить ей, что ты передумала?!

— Ну ладно. Но у меня для вас нет никаких денег.

«Совсем нет денег», — прошептал кто-то в голове у Джесса.

— Я знаю, мамуленька. Мы только возьмем ту пятерку, которую нам обещал папа.

— Какую еще пятерку?!

— Ой, мамуль, ты же помнишь! — Голос у Элли был слаще батончика «Марс». — Папа на прошлой неделе говорил, что девочкам надо что-то купить для школы.

— А ну вас, берите, — сердито сказала мать, достала с полки над плитой старый виниловый бумажник и отсчитала пять сморщенных бумажек.

— Маму-уль! — опять завелась Бренда. — А можно еще один? Чтобы у каждой было по три?

— Нет!

— За два пятьдесят ничего не купишь. Одну паечку тетрадок, которые пойдут на...

— Нет!

Элли шумно встала и начала убирать со стола.

— Твоя очередь мыть посуду, Бренда, — громко сказала она.

— О-о-о-о!

Элли огрела сестру ложкой. Джесс перехватил ее взгляд. Бренда перестала выть полунакрашенным

ртом. Она была глупее Элли, но все-таки знала, что маминым терпением злоупотреблять не стоит.

Значит, мыть посуду опять придется ему. Мать никогда не заставляла работать малявок, хотя, если исхитриться, можно спихнуть что-то на Мэй. Он снова привалился щекой к столу. Утренний бег доконал его. Каким-то вторым слухом он слышал рев старого «бьюика» («Маслица требует», — сказал бы отец) и веселое жужжание по ту сторону двери. Это Элли с Брендой болтали с семьей Тиммонсами.

— Ладно, Джесс. Встань, не ленись. У Мисс Бесси вымя, наверное, уже землю скребет. А тебе еще собирать бобы.

«Не ленись»! Это он-то ленится? Он позволил своей голове еще минутку полежать мертвым грузом.

— Джесс-си-и!

— Да, мам. Иду, иду.

Именно Мэй Белл пришла к нему на бобовую грядку сообщить, что в бывший дом Перкинсов на соседней ферме вселяются какие-то люди. Да, у самой двери там стоял контейнер, из этих двойных, огромных. У новых жильцов вещей хватает! Но долго они не задержатся. Перкинсов дом — один из тех старых, ветхих деревенских домов, в которые въезжают, когда некуда деться, и выселяются поскорее. Позже он думал, как странно получилось, что это было важнейшее событие в его жизни, а он на него чихать хотел, будто ничего не произошло.

Вокруг его потного лица и потных плеч вились мухи. Он кидал бобы в корзину и молотил их обеими руками. «Кинь мне футболку, Мэй Белл». Мухи — это тебе не какой-то контейнер.

Мэй Белл поскакала в конец грядки, подобрала его футболку с того места, куда он ее положил, и вернулась, держа ее вытянутой рукой.

— О-о-о-о, как воняет! — сказала она Брендиным голосом.

— Да заткнись ты, — огрызнулся он и вырвал у нее футболку.

Глава вторая ЛЕСЛИ БЁРК

Элли с Брендой к семи не вернулись. Джесс управился с бобами и помогал матери их консервировать. Она никогда этим не занималась, кроме тех случаев, когда от жары совсем уж нельзя было стряпать. Настроение у нее, само собой, было жуткое, она весь день орала на Джесса и так устала, что не могла даже приготовить ужин.

Джесс смастерил себе и младшим сестрам сэндвичи с арахисовым маслом, и, поскольку на кухне было все еще жарко и она до тошноты пропахла бобами, они втроем пошли есть во двор.

Контейнер все еще стоял у дома Перкинсов, но вокруг никого не было видно, и Джесс решил, что разгрузку закончили.

— Надеюсь, у них есть такая девочка, как я, — сказала Мэй Белл. — А то мне играть не с кем.

— А Джойс Энн?

— Ну прям! Она малявка, вот она кто.

У Джойс Энн задрожали губы. Потом ее коротенькое тельце дернулось, и она истошно заорала.

— Кто там дразнит ребенка? — взывала мать из-за двери.

Джесс тяжело вздохнул и сунул свой последний сэндвич прямо в распахнутый рот Джойс Энн. Она широко раскрыла глаза, но рот захлопнула, чтобы не потерять неожиданный дар. Может, теперь он получит хотя бы минуту покоя.

Он вошел в дом, притворив за собой дверь, и проскользнул за спиной матери, покачивающейся в качалке перед телевизором. В комнате, которую Джесс делил с младшими, он порылся под матрасом и вытащил блокнот и карандаши. Потом лег на живот и стал рисовать.

Рисовал он так, как иные пьют. Рисунок начинался в мозгу и впитывался в усталое, напряженное тело. Ох, как он любил рисовать! Чаще всего — животных, и не просто животных — например, Мисс Бесси, — а дурацких каких-то, ненормальных. Почему-то ему нравилось ставить своих зверей в немыслимые ситуации. Вот гиппопотам только что сорвался со скалы

и летит кувыркком — это можно понять по клубящимся линиям — прямо в море, из которого торчат пучеглазые, удивленные рыбы. Над гиппопотамом — не над головой, она внизу, а над задницей — плавают пузыри, на нем написано: «Ой, я очки забыл!»

Джесс заулыбался. Если он решит показать это Мэй Белл, придется объяснить, в чем шутка, но уж тогда она будет ржать, как публика в телешоу.

Он бы не прочь показать рисунки отцу, но вряд ли осмелится. Еще в первом классе он сказал, что, когда вырастет, будет художником. Ему казалось, что отец обрадуется, а не нет — он удивился. «Чему вас только учат в этой школе! Старые метелки делают из моего сына какого-то...» Он не сказал, кого именно, но Джесс понял, о чем речь. Это и через четыре года не забудешь.

А хуже всего, что его рисунки не нравились учителям. Застукав его за «этой мазней», они начинали вопить, что он зря расходует время, бумагу, талант. Вопили все, кроме учительницы музыки, мисс Эдмундс. Только ей он осмеливался что-то показать, хотя она преподавала в школе всего год и только по пятницам.

Мисс Эдмундс была одной из его тайн. Он был в нее влюблен. Не так глупо, как Элли с Брендой, когда хихикают по телефону или долго молчат в трубку, а по-настоящему, слишком глубоко, чтобы об этом говорить и даже думать. У нее длинные черные волосы и синие-синие глаза. На гитаре она играет,

как самая настоящая рок-звезда, а голос у нее мягкий, нежный, просто дух захватывает. Ой, господи, какая красивая! И хорошо к нему относится.

Однажды прошлой зимой он показал ей один рисунок. Сунул в руку после уроков и убежал. В следующую пятницу она попросила его остаться на минутку, а потом сказала, что у него «недюжинный талант», и понадеялась, что он его не растратит. Это значило, подумал Джесс, что она считает его просто замечательным. Нет, не из тех, кого хвалят в школе или дома, а другим, особенным. Эти мысли он спрятал глубоко внутри, словно пиратское сокровище. Он был богат, очень богат, но пока никому не дано знать об этом, кроме той, кто, как и он, вне закона — Джулии Эдмундс.

— Она что, хиппи? — сказала мать, когда Бренда, в прошлом году еще семиклассница, описала ей мисс Эдмундс.

Может, и хиппи, кто ее знает, но Джесс видел в ней прекрасное дикое создание, запертое на время в ржавой и грязной клетке школы — возможно, по ошибке, — и надеялся, даже молился, чтобы она оттуда не улетела. Он умудрялся вытерпеть целую школьную неделю ради получаса в пятницу, после обеда, когда они усаживались на потертый соломенный мат, покрывавший пол в учительской (больше нигде было разместить инструменты), и пели всякие песни — «О, мой воздушный шарик!», «Эта страна — твоя страна», «Я — это я, а ты — это ты», «Только

ветер знает ответ» и, по настоянию директора мистера Тёрнера, «Боже, благослови Америку».

Мисс Эдмундс играла на гитаре, а детям разрешала играть на треугольнике, цимбалах, тамбуринах и барабане. Все учителя поголовно ненавидели пятницы, а многие ученики пытались им подражать.

Но Джесс-то знал, какие они гады. Фыркая «хиппи» и «борец за мир», хотя вьетнамская война давно кончилась и хотеть мира опять хорошо, дети смеялись над ненакрашенными губами мисс Эдмундс и ее джинсами. Она, конечно, была единственной учительницей в школе, носившей брюки. В Вашингтоне и его модных пригородах, даже в Миллсбурге, это в порядке вещей, но здесь — какие-то задворки моды. Здесь годами не могут принять то, что в любом другом месте, сверившись с ТВ, охотно взяли на вооружение.

И вот ученики начальной школы просиживали за партами всю пятницу, с трепетом предвкушения слушая радостный шум, доносящийся из учительской, а потом проводили свои полчаса с мисс Эдмундс, очарованные ее дикой красотой, замороженные ее пылом, и наконец шли домой, делая вид, что им наплевать на какую-то там хиппушку в обтягивающих джинсах, но без помады.

Джесс молчал. Защищать мисс Эдмундс от несправедливых и лицемерных нападок не имело смысла. Кроме того, она была выше их глупостей, они ее не трогали. Но едва представлялась возможность,

он выкрадывал по пятницам несколько минут, чтобы просто постоять рядом с ней и послушать мягкий голос, заверяющий его, что он молодец.

«Мы похожи, — говорил себе Джесс, — я и мисс Эдмундс, прекрасная Джулия». Слова прокатывались в его сознании, как перезвон гитарных аккордов. «Мы с ней — не отсюда». Она как-то сказала ему: «Ты — как алмаз из поговорки, неотшлифованный алмаз» — и прикоснулась к кончику его носа своим намагниченным пальцем. А на самом деле это она — алмаз, нет, бриллиант на пустыре, среди мусора.

— Джес-си!

Он сунул блокнот и карандаши под матрас и лежничком. Сердце его колотилось о покрывало.

В дверях стояла мать.

— Ты подоил уже?

Он спрыгнул с кровати:

— Как раз собираюсь.

Он пронесся мимо нее и, прежде чем она успела спросить, чем он занимался, схватил ведро у мойки, скамеечку у двери и выскочил во двор.

Со всех трех этажей старого Перкинсова дома ему подмигивали огни. Стемнело. Вымя у Мисс Бесси набухло, и она нервничала. Надо было подоить ее два часа назад. Он сел на скамеечку и стал доить. Внизу, по шоссе, пронесся случайный грузовик с включенными фарами. Скоро вернется и отец, и эти девки, как-то умудрявшиеся развлекаться, оставляя на него

с матерью все хлопоты по дому. Интересно, что они накупили. Чего бы он не отдал за новый блокнот настоящей рисовальной бумаги и набор фломастеров! Цвет ложится на лист быстрее, чем ты к нему прикоснешься. Куда там школьным карандашам, на которые надо нажимать со всей силы, пока кто-то не скажет: «Ой, сейчас сломаешь!»

Машина сворачивала к дому. Это Тиммонсы. Девушки опередили отца, вернулись первыми. Джесс слышал их счастливые крики, стук закрываемой дверцы. Для них будет готов ужин, и когда он, Джесс, вернется с бидоном молока, то увидит, как они резвятся и болтают, а мать даже забыла, что устала и намучилась. Ему одному приходится выдерживать ее настроения. Порой он чувствовал себя среди всех этих женщин совсем одиноким — единственный петух и тот не вынес, а другого еще не завели. Отца с рассвета до самой ночи нет дома, и никто не знает, как он там. Выходные ничем не лучше. Отец за неделю так уставал, что, если не работал по дому, дремал перед телевизором.

— Эй, Джесс!

Это Мэй Белл. Да уж, дитя бессловесное! Подумать и то не даст.

— Чего тебе опять?

Она на глазах уменьшилась вдвое и потупилась.

— Да так, кое-что сказать.

— Тебе давно пора быть в постели, — сказал он, злясь на себя за то, что ее отшил.

— Элли с Брендой приперлись.

— Вернулись. Приехали.

Почему он всегда к ней цепляется?

Но ее новости были слишком хороши, чтобы это заметить.

— Элли купила себе блузку, через которую все видно, и мамуля делает ей втык.

«Неплохо», — подумал он, а вслух сказал:

— А что тут веселого?

«Ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти».

— Папуля! — ликующе воскликнула Мэй Белл и понеслась к шоссе. Джесс глядел, как отец останавливает пикап и наклоняется, чтоб открыть дверцу для Мэй Белл. Он отвернулся. Везет же людям! Ей можно бегать за отцом, обнимать его, целовать.

У Джесса просто сердце болело, когда отец поднимал малышню и сажал себе на плечи или, нагнувшись, обнимал их. Ему казалось, что его считают слишком большим с самого рождения.

Когда бидон наполнился, он похлопал Мисс Бесси по боку, чтобы она ушла. Сунув скамеечку под мышку, он бережно, чтоб не расплескать ни капли, понес тяжелый бидон домой.

— Поздновато подоил корову, сынок? — вот все, что сказал ему отец за целый вечер.

На следующее утро его не подняли даже звуки разогреваемого пикапа. Не совсем проснувшись, он уже чувствовал, как страшно устал. Мэй Белл, опершись на локоть, подтрунивала над ним из кровати.

— Ну что, побежишь сегодня? — спросила она.

— Нет, — ответил он, откинув одеяло. — Полечу.

Дело в том, что устал он больше, чем обычно. Он представил, что впереди Уэйн Петтис и отстать нельзя. Ноги несли его по неровной почве, он все сильнее молотил руками по воздуху. «Берегись, Уэйн Петтис, — выдавил он сквозь зубы. — Я тебя достану. Тебе меня не побить».

— Если ты так боишься коровы, — раздался голос, — почему бы не залезть на изгородь?

Он застыл в воздухе, как стоп-кадр в телике, обернулся, едва не потеряв равновесия, чтобы увидеть, кто же говорит. Существо это сидело на изгороди у самого дома Перкинсов и качало голыми загорелыми ногами. У него были короткие волосы. Или у нее? Он бы не смог точно сказать, мальчик это или девочка.

— Привет, — сказала существо, кивнув на дом Перкинсов. — Мы только что сюда въехали.

Джесс стоял как вкопанный. Существо, соскользнув с изгороди, подошло к нему.

— Я думаю, мы могли бы дружить, — продолжало оно. — Тут никого больше нету.

«Девочка», — решил он. Несомненно девочка, хотя бог его знает, почему он так решил. Она была примерно его роста — нет, чуть ниже, что он с удовлетворением отметил, когда она подошла.

— Меня зовут Лесли Бёрк.

Вот, даже имя — из тех, что годится обоим полам! Но теперь он был уверен в своей догадке.

— В чем дело?

— А?

— Что-то не так?

— Да. Нет. — Он ткнул большим пальцем в сторону своего дома, потом смахнул со лба волосы. — Меня зовут Джесс Эронс.

Жаль, эта девчонка не того возраста, что Мэй Белл.

Он кивнул ей.

— Пока.

Он свернул к дому. Бегать сегодня не стоит. Лучше подоить Мисс Бесси, и дело с концом.

— Эй! — Лесли стояла посреди выгона, закинув голову, подбоченясь. — Куда ты?

— Работать надо, — ответил он через плечо. Когда он вышел снова с бидоном и скамеечкой, ее уже не было.

Глава третья

БЫСТРЕЕ ВСЕХ В ПЯТОМ КЛАССЕ

Больше Джесс не видел Лесли Бёрк, разве что издали, до первого дня учебного года, выпавшего на следующий вторник, когда мистер Тёрнер привел ее к миссис Майерс в пятый класс начальной школы.

Лесли, как и тогда, была в обрезанных выцветших джинсах и синей майке. На ногах у нее были кеды без носков. Класс чуть не лопнул от удивления. Все были в легких воскресных костюмах. Даже Джесс надел единственный пиджак и отутюженную рубашку.

Ее не беспокоило, как это примут. Она стояла перед классом, разинувшим рты, а глаза ее говорили: «Ну вот, друзья мои, и я». Миссис Майерс тем временем гадала, куда же всунуть лишнюю парту. Класс был маленький, располагался в полуподвале, и пять рядов по шесть парт заполняли его до отказа.

— Тридцать одна, — бормотала миссис Майерс, тряся двойным подбородком, — тридцать одна. А во всех других классах не больше двадцати девяти. — Наконец она додумалась поставить парту к боковой стене, спереди.

— Пока пусть стоит здесь... э-э... Лесли. Этот класс ужасно переполнен. — И она бросила многозначительный взгляд на мистера Тёрнера.

Лесли тихо ждала, пока семиклассник ходил за лишней партой и ставил ее к радиатору, под первым окном. Не поднимая шума, она отодвинула ее на несколько дюймов от радиатора и только тогда села. А потом обернулась еще раз, чтобы поглядеть на новых соучеников.

Тридцать пар глаз вдруг уперлись в свои парты. Джесс обвел указательным пальцем сердце с двумя парами инициалов — БР+СК, — пытаясь разгадать, чью парту он унаследовал. Наверное, Салли Кох. Девочки в пятом классе вырезали больше сердечек, чем мальчики. Хотя БР — это, скорее всего, Билли Радд, а все знали, что прошлой весной он отдавал предпочтение Мирне Хаузер. Конечно, эти инициалы могли вырезать раньше, а тогда...

— Джесси Эронс, Бобби Грегс, раздайте всем учебники арифметики... пожалуйста.

С последним словом миссис Майерс одарила всех своей знаменитой первосентябрьской улыбкой. В старших классах говорили, что она улыбается только в первый и в последний день учебного года.

Джесс нехотя поднялся и вышел к доске. Когда он проходил мимо Леслиной парты, она улыбнулась и пошевелила пальцами наподобие волны. Он кивнул. Как-никак, было жаль ее. Наверное, очень неловко сидеть впереди всех, когда ты одета иначе, чем другие, да еще в первый день учебного года, да еще в новой школе.

Он стал раздавать книги, как велела миссис Майерс. Когда он проходил мимо, Фалчер схватил его за руку: «Побежишь сегодня?» Джесс кивнул. Гарри хрюкнул. «Он думает, кретин, что сможет меня обскакать!» При этой мысли что-то екнуло у Джесса внутри. Он знал, что сейчас в лучшей форме, чем весной. Черт с ним, пусть думает, что победит, раз уж Петтис в шестом, а он, Джесс, преподнесет Фалчеру ма-а-ленький сюрпризец. Чувство было такое, как будто он проглотил стаю кузнечиков. Быстрее бы! Сколько можно ждать?

Миссис Майерс следила за раздачей учебников с таким видом, словно она — президент Соединенных Штатов, только и занимающийся бессмысленными подписаниями и церемониями. Джесс вдруг догадался, что и ей не меньше их хотелось отсрочить

подальше учебный год. Раздав учебники, он достал лист бумаги. Ему хотелось сделать целый альбом рисунков. Надо выдумать главного героя и сочинить про него историю. Попробуем взять всяких животных и придумать им имена. Хороший заголовок — уже полдела. «Гиппопотам-гипнотизер»? Ничего, звучит. «Кровавый крокодил»? Еще лучше. Или так: «Дело дородного дракона». Неплохо.

— Что ты рисуешь? — Гарри Фалчер наклонился над его партой.

Джесс прикрыл лист рукой.

— Ничего.

— Ну, не будь жилой. Дай глянуть.

Джесс покачал головой.

Гарри попытался оторвать его руку от бумаги.

— «Дело дородного...» Ну дай, Джесс! — шептал он. — Я ничего не испорчу. — Он нажал Джессу на большой палец.

Джесс прикрыл лист обеими руками и наступил Фалчеру на ногу.

— У-яяя!

— Мальчики! — С лица миссис Майерс сошла улыбка, напоминавшая пирог с лимонным вареньем.

— Он наступил мне на ногу.

— Сядь на свое место, Гарри.

— Да он же...

— Сядь! Джесс Эронс, еще один писк с твоей парты, и ты проведешь перемену в классе. Переписывая словарь.

Лицо у Джесса горело от стыда. Рисовальная бумага соскользнула под парту, а он скорбно поник головой. Вот так теперь целый год. Вот так еще восемь лет. Вряд ли он это выдержит.

Свой ленч дети ели за партами. Графство уже двадцать лет обещало школе столовую, но каждый раз не хватало денег. Джесс так старался не пропустить переменку, что жевал свой сэндвич с колбасой, плотно сжав губы и глядя на сердечко с инициалами. Вокруг него жужжали сплетни. Вообще-то, за ленчем разговаривать не разрешалось, но это был первый день, и даже Майерс Драконья Глотка изрыгала меньше пламени, чем обычно.

— Она простоквашу ест! — Через парту от него не покладая языка трепалась Мери Лу Пиплз, занимавшая среди пятиклассников второе место по стервозности.

— Дура ты, это йогурт! Ты что, телик не смотришь? — возражала Ванда Кей Мур, сидевшая прямо перед Джессом.

— Ну!

Господи, почему они не могут оставить людей в покое? Почему Лесли Бёрк не может лопать то, что ей нравится?

Он забыл, что старается есть аккуратно, и громко отхлебнул молока. Ванда Мур обернулась, скорчив рожу:

— Джесси Эронс! Какой *отвратительный* звук!

Он тяжело на нее взглянул и отхлебнул еще раз.

— И сам от-вра-ти-тель-ный!

Д-р-р-р-дзинь! Звонок на перемену.

Мальчики, громко вопя, кинулись к дверям.

— Все мальчики немедленно садятся.

О господи!

— Девочки строятся и идут на игровую площадку.

Пропускаем вперед дам.

Мальчики затрепетали на краешках парт, как мотыльки, пытающиеся высвободиться из кокона. Неужели она никогда не разрешит им выйти?

— Хорошо. Теперь, если вы, мальчики... — Они не дали ей переменить решение. Она еще не окончила фразу, а они уже были на полпути к концу поля.

Пара, прибежавшая первой, чертила носками кроссовок финишную линию. Почва размокла после прошедших дождей, но из-за засухи позднего лета зачерствела, так что ничего не вышло, черту провели палкой. Пятиклассники, раздувшись от сознания своей значительности, гоняли ребят из четвертого то туда, то сюда, тогда как малышня пыталась включиться в игру просто так, без спроса.

— Сколько нас побежит, ребята? — спросил Фалчер.

— Я! Я! Я! — завопил каждый.

— Это слишком много. Первые, вторые, третьи классы не бегут, кроме обоих Батчеров и Тимми Возна. Так что не путайтесь под ногами.

Младшие классы пригорюнились, но послушно отступили.

— Так. Остается двадцать шесть, двадцать семь — стойте прямо, — двадцать восемь. Насчитал двадцать восемь, Грег? — спросил Фалчер у своей тени, Грега Уильямса.

— Ровно двадцать восемь. Теперь вот что. У нас, как всегда, будут четвертьфиналы. Рассчитайтесь по четыре. Сперва бежит одна четверка, потом другая...

— Знаем, знаем! — нетерпеливо орали ребята, перебивая Гарри, возомнившего себя Уэйном Петтисом этого года.

Джесс попал в четвертую четверку, что ему вполне подходило. Он очень хотел сорваться с места, но неплохо и посмотреть, как берут старт другие. Среди первых, конечно, был Фалчер, он всегда лез вперед. Джесс ухмыльнулся ему в спину, сунул руки в карманы и пошевелил указательным пальцем в обнаружившейся там дырке.

Фалчер легко победил в первом забеге, и у него вполне хватало сил на то, чтобы верховодить, готовя второй. Кое-кто из младших отчалил на склон между нижним и верхним полем, чтобы поиграть в «царя горы». Увидев краем глаза, что кто-то по склону спускается, Джесс отвернулся и сделал вид, что слушает визгливые команды Гарри.

— Привет! — услышал он сзади голос Лесли Бёрк и чуть-чуть отодвинулся, что-то буркнув в ответ.

— Разве ты не бежишь?

— Я позже.

Может, если на нее не смотреть, подумал он, она уйдет на верхнее поле, где ей и место.

Фалчер приказал Эрли Уотсону дать старт. Джесс смотрел, как они бегут. Ничего особенного. Спины пригнулись, подолы рубашек выскочили из брюк.

К финишу пришли одновременно Джимми Митчел и Клайд Дил. Все побежали туда, рассмотреть получше. Джесс понимал, что Лесли Бёрк — рядом, но по-прежнему на нее не глядел.

— Клайд, — решил Фалчер. — Первым пришел Клайд.

— Нет, они вместе пришли, — возразил кто-то из четвертого. — Ничья.

— Клайд, и все тут.

Джимми Митчел не сдался:

— Нет, я! Ты оттуда не видел.

Но Фалчер гнул свое:

— Клайд. Мы зря тратим время. Третьим приготовиться.

Джимми сжал кулаки.

— Это нечестно!

Фалчер отвернулся и направился к старту.

— Пускай потом снова бегут, — громко сказал Джесс. — Делов-то!

Фалчер остановился и взглянул сперва на Джесса, потом — на Лесли.

— Ты еще скажи, — глумливо процедил он, — чтоб девчонки бежали!

Джесс вспыхнул.

— А чего? — Он повернулся к Лесли. — Побежишь?

— Конечно. — Она улыбнулась. — А чего?

— Как, Фалчер, не боишься девчонку пустить?

Ему показалось, что сейчас он получит в зубы. Он застыл. Только бы Гарри не догадался, что ему страшно! Однако тот побежал трусцой к третьим, стал строить их в линию.

— Побежишь с четвертыми, Лесли, — сказал Джесс так, чтобы Фалчер услышал его раньше, чем займется мальчишками.

«Вот, — подумал он. — Порядок! Я не хуже Фалчера».

В забеге легко победил Бобби Миллер. Он был одним из лучших, почти как Гарри. «Но хуже меня», — подумал Джесс. Он уже всерьез раззадорился. Среди четвертых никто не мог его обогнать. Хорошо бы напугать Фалчера прямо в первом забеге.

Лесли встала справа от него. Он чуть-чуть подвинулся влево, она вроде бы не заметила.

Как только дали старт, он ринулся вперед. Все радовало его, даже жесткая почва под подошвами старых кроссовок. Дышал он хорошо и просто чувствовал, как удивился Гарри Фалчер. Ребята орали громче, чем при первых забегах. Может быть, они заметили. Ему хотелось оглянуться и посмотреть, где другие, но он сдержался (еще подумают, что выпендривается!) и сосредоточенно глядел вперед.

Финишная линия приближалась с каждым шагом. «Ой, Мисс Бесси, Мисс Бесси, видела бы ты меня!»

Он ощутил это раньше, чем увидел. Кто-то его обгонял. Он приналег; смутно различил кого-то краем глаза; тот вырвался вперед. Он собрал все силы. Дышать было больно, пот заливал глаза, но «кого-то» он не видел, пока выцветшие обрезанные джинсы не пересекли линию на целых три фута раньше, чем он.

Лесли повернулась к нему, улыбаясь во все свое загорелое лицо. Он резко остановился и молча перешел не то на рысь, не то на шаг. Сегодня он должен был стать чемпионом, самым лучшим бегуном четвертого и пятого класса, а не победил и в первом забеге. Никто не кричал и не радовался. Мальчики были ошеломлены не меньше его. Конечно, потом они будут дразниться, это уж точно, но сейчас — молчали.

— Так, — сказал Фалчер, стараясь говорить деловито. — Так, ребята. Стройтесь к последнему забегу. — Он подошел к Лесли. — Ну, порезвилась, и хватит. Иди поиграй в классики.

— Я же выиграла забег, — сказала она.

Фалчер набычился:

— Девчонки тут не бегают. Гони-ка лучше наверх, пока какой учитель не увидел.

— Я хочу бежать, — спокойно сказала она.

— Мало тебе?

— Ты чего? — просто булькая от гнева, спросил Джесс. — Ты чего это, а? Испугался?

Фалчер замахнулся кулаком, Джесс отскочил в сторону. Он знал, что теперь придется разрешить, чтобы она бежала. И Фалчер это знал, как ни бесился.

Она победила — его, Джесса. Она пришла первой и, обернувшись, глядела сияющим взглядом на потные, ошеломленные лица. Прозвенел звонок. Джесс шел через нижнее поле, засунув руки в карманы. Она его нагнала. Он вынул руки и неспешно побежал к холму. Да, подложила свинью, нечего сказать! Она не отставала.

— Спасибо, — сказала она.

— А?

(Интересное дело! За что спасибо-то?)

— Только с тобой и можно водиться в этой собачьей школе.

Кажется, голос у нее дрожал, но он не стал ее снова жалеть.

— Что ж, водись, — ухмыльнулся он. Позже, в автобусе, он сделал то, чего никогда не думал делать, — сел рядом с Мэй Белл. Иначе рядом плюхнулась бы Лесли. Ну ничего не понимает! Он уставился в окно, но знал, что она вошла и села через проход.

Она сказала: «Джесс», но из-за шума он мог и не слышать. На остановке он схватил сестру за руку и вытащил, прекрасно зная, что Лесли идет за ними.

Больше она с ним не заговаривала и пошла прямо к Перкинсову дому.

Он не удержался, оглянулся. Она не шла, а бежала, словно ей вообще свойственно бегать, а не ходить; и он почему-то вспомнил, как летят осенью дикие утки. Так это изящно, что ли... Ему припомнилось слово «плавно», но он тряхнул головой и поспешил к себе.

Глава четвертая

ПРАВИТЕЛИ ТЕРАБИТИИ

Из-за того что уроки в школе начинались в первый вторник после Дня труда, эта неделя получилась короткой, и слава богу, потому что каждый день был хуже предыдущего. Лесли на переменах по-прежнему бегала наперегонки с мальчиками и всякий раз выигрывала. К пятнице многие мальчики из четвертого и пятого класса даже отсеялись, ушли играть в «царя горы» на склон меж двух холмов. Бегунов осталось всего ничего, так что отпали и предварительные забеги, что значительно уменьшило волне-

ние. Какой уж тут интерес! И все из-за нее, из-за Лесли.

Джесс понял, что ему не быть лучшим бегуном четвертого и пятого класса, а утешало его лишь то, что не станет им и Фалчер. В пятницу снова устроили состязания, но, когда те закончились и победила Лесли, каждый понял, что забегам пришел конец и говорить тут не о чем.

Но пятница оставалась пятницей, и мисс Эдмундс снова была в школе. У пятого класса урок музыки начинался сразу после большой перемены. Джесс утром уже успел встретиться с мисс Эдмундс в коридоре, она остановила его и стала расспрашивать:

— Ты рисовал летом?

— Да, мэм.

— Можно взглянуть или это секрет?

Джесс покраснел и откинул со лба волосы:

— Можно...

Она одарила его своей чудесной улыбкой, обнажив ровные зубы, и откинула с плеч сверкающие черные волосы.

— Отлично! — сказала она. — Ну, до скорого.

Он кивнул, улыбнувшись в ответ. Даже пальцам ног стало тепло, их приятно покалывало.

Теперь, когда он сидел на подстилке в учительской, такое же тепло разлилось по телу при звуке ее голоса. Этот голос, густой и мелодичный, звучал где-то внутри ее, даже когда она просто говорила.

Мисс Эдмундс с минуту настраивала гитару, не умолкая и тогда, когда под звяканье браслетов, выбивание ритма на деке и пощипывание струн подтягивала их на колках. Она, как обычно, была в джинсах и сидела по-турецки, как будто так и должен сидеть учитель. Спросила у нескольких учеников, как у них дела, как они провели лето; те что-то пробормотали. К Джессу она не обращалась, но послала ему синий взгляд, от которого он зазвенел, как одна из этих струн.

Лесли она сразу заметила и попросила их познакомиться, что весьма топорно и слащаво продела-ла какая-то девочка. Тогда она улыбнулась Лесли, а Лесли улыбнулась ей — вроде бы впервые с того раза, как во вторник выиграла забег.

— Что бы ты хотела спеть? — спросила мисс Эдмундс.

— Ой, да что угодно!

Мисс Эдмундс взяла несколько аккордов и запела — тише, чем обычно поют эту песню:

Вот светлая страна,
Прекрасна и ясна,
Где будем мы с тобою жить...

Все понемногу вступали, сперва тихо, чтобы пой-мать настрой, но по мере того, как песня к концу нарастала, их голоса тоже крепили, так что, когда они добрались до финала — «Свободны быть тобой

и мной», — слышать их могла вся школа. Подхваченный ликующей волной, Джесс обернулся и встретился глазами с Лесли. Он улыбнулся ей. И то, почему бы не улыбнуться? Кого он боится? Порой он ведет себя как самый настоящий желтопузый молокосос. Он кивнул и улыбнулся снова. Она улыбнулась в ответ. Так в учительской он почувствовал, что в его жизни начался новый период, и без оглядки ринулся в него.

Ему не надо было объявлять Лесли, что он иначе к ней относится. Она поняла это сама. Плюхнулась в автобусе рядом с ним и придвинулась ближе, чтобы на том же сиденье могла уместиться Мэй Белл. Она говорила об Арлингтоне, о своей бывшей школе — огромной, в пригороде, с роскошным музыкальным классом, где, впрочем, и днем с огнем не сыскать такой красивой и милой учительницы, как мисс Эдмундс.

— А спортзал у вас был?

— Ага. Наверное, там во всех школах есть. Или почти во всех. — Она вздохнула. — Мне его правда не хватает. Я по гимнастике всегда была первой.

— У нас тебе, наверное, паршиво.

— Ага.

Она примолкла, думая, как решил Джесс, о своей бывшей школе, которую он представлял светлой, новой, со сверкающим спортзалом, который еще больше, чем в колледже.

— Друзей у тебя там было, наверное!..

— Да, друзья были.

— Тогда зачем ты сюда приехала?

— Родители пересмотрели свою систему ценностей.

— Чего-о-о?!

— Они решили, что слишком зависят от денег и успеха, и купили эту старую ферму. Собираются пахать, сеять и думать о самом главном.

Джесс глядел на нее разинув рот. Он понимал это, но ничего не мог поделать. Такой белиберды он в жизни не слышал.

— А расплачиваешься ты?

— Ага.

— Почему ж они о тебе не подумали?

— Мы с ними обсудили и это, — терпеливо пояснила она. — Я сама хотела ехать. — Она проследила его взгляд в окно. — Загодя никогда не знаешь, что на что похоже.

Автобус остановился. Лесли взяла Мэй Белл за руку. Джесс вышел следом, все еще пытаясь понять, почему двум взрослым людям и такой клевой девочке вздумалось бросить удобную жизнь в столичном пригороде ради несусветной дыры.

Они смотрели, как, ревя, уползает автобус.

— С фермы в наше время не прокормишься, сама знаешь, — наконец сказал он. — Папе приходится ездить в Вашингтон, иначе нам не хватит денег...

— Деньги не проблема.

— То есть как?!

— Во всяком случае, для нас, — жестко сказала она.

Он целую минуту не мог поймать ее мысль. Ему еще не приходилось встречать человека, для которого деньги не проблема («Ух ты!»), и он постарался запомнить, что лучше с ней о деньгах не заговаривать.

Но Лесли хватало здесь проблем поважнее, чем отсутствие денег. Например — телевизор.

Началось с того, что миссис Майерс прочла вслух Леслино сочинение на тему «Мое хобби». Ученикам задали написать сочинение о своем любимом занятии. Джесс накатал пару страниц про футбол, который на самом деле ненавидел, но у него хватило мозгов прикинуть, что, напиши он про рисование, весь класс будет смеяться. Почти все мальчишки клялись, что больше всего любят болеть по телевизору за «Вашингтонских Краснокожих». Девочки разделились: те, которым было начхать на миссис Майерс, называли телешоу, а те (например, Ванда Кей Мур), которые все еще надеялись попасть в отличницы, выбрали хорошие книги. И все же вслух училка прочла только одно сочинение.

— Одно сочинение я хочу прочесть вслух. По двум причинам. Во-первых, оно изумительно написано. Во-вторых, оно повествует о необычном для девочки хобби... — Миссис Майерс послала Лесли отблеск своей первосентябрьской улыбки. Лесли уставилась в парту. Попасть в любимчики к миссис

Майерс хуже, чем яду наглотаться. — Итак, Лесли Бёрк. «Подводное плавание».

Отрывистый голос раскрыл предложения на смешные коротенькие фразы, но и в таком виде сила Леслиных слов увлекла Джесса за собой, в темные глубины вод. Внезапно у него перехватило дыхание. Скажем, ты глубоко нырнул, и маска наполнилась водой, а на поверхность вынырнуть не удастся. Он закашлялся, обливаясь потом, и попытался унять панику. Вот, оказывается, какое хобби у Лесли! Никому бы не удалось наврать, что его любимое занятие — подводный спорт. Значит, Лесли и впрямь ныряла, не боялась уйти глубоко-глубоко в мир, где совсем нет воздуха и очень мало света. Господи, какой он трус! Да он весь трясется, только слушая, как миссис Майерс про это читает. Честное слово, грудной младенец, сосунок похуже Джойс Энн! Отец надеется, что из него вырастет мужчина, а он позволяет какой-то девчонке, которой нет и десяти, загнать ему душу в пятки простым рассказом о том, как ты смотришь на мир под водой. Слабак он, больше никто.

— Я уверена, — говорила тем временем миссис Майерс, — что на вас этот замечательный очерк произвел не меньшее впечатление, чем на меня.

Впечатление. Господи, да он чуть не захлебнулся!

В классе слышался шорох ног и тетрадок.

— Теперь я дам вам домашнее задание, — приглушенные стоны, — которое вам наверняка понравится, — недоверчивое ворчание. — Сегодня в восемь

вечера по седьмому каналу идет передача о знаменитом исследователе подводного царства Жаке Кусто. Я хочу, чтобы все вы ее посмотрели. Потом напишите одну страницу о том, чему она вас научила.

— Целую страницу?

— Да.

— Без ошибок?

— Разве можно писать с ошибками, Гарри?

— Одну страницу с обеих сторон?

— С одной стороны достаточно, Ванда Кей. Но тем, кто не поленился и напишет с обеих, и оценки будут выше.

Ванда Кей жеманно улыбнулась. Нетрудно было представить, как в ее треугольной черепушке вырисовывается десяток страниц.

— Миссис Майерс!

— Да, Лесли? — Боже мой, она лицо себе вывихнет, если будет так приторно улыбаться!

— А если я не смогу посмотреть эту передачу?

— Скажи своим родителям, что это домашнее задание. Они поймут.

— А если, — тут Лесли запнулась, потом потрясла головой и прочистила горло, чтобы голос звучал увереннее, — если у меня нет телевизора?

(Ну что же ты! Зачем ты это сказала? Ты же всегда можешь посмотреть у меня.)

Но спасти ее было поздно. Недоверчивое шипение переходило в презрительный посвист.

Миссис Майерс прищурилась.

— Ну, тогда... — Она прищурилась еще сильнее, словно тоже пыталась вычислить, как спасти Лесли. — Ну, тогда ты можешь написать сочинение в одну страницу о чем-нибудь еще. — Она попыталась улыбнуться Лесли над поднявшимся гвалтом, но проку от этого уже не было. — Дети! Дети! Де-ти! — Улыбку для Лесли неожиданно и зловеще сменил хмурый взор, усмиривший бурю.

Она раздала листки с задачками. Джесс украдкой взглянул на Лесли. Лицо, низко склоненное над листком, было багровым от ярости.

На большой перемене, играя в «царя горы», он видел, как ее окружила шайка девчонок под предводительством Ванды Кей. О чем они говорили, ему слышно не было, но по горделивой осанке Лесли, по тому, как она откидывала голову, был понятно, что они над ней потешаются. На него прыгнул Грег Уильямс, и, пока они боролись, Лесли исчезла. Грег был ни при чем, но все же Джесс сбросил его со всей силой, на какую был способен, и гаркнул, ни к кому не обращаясь:

— Я пошел!

Неподалеку от женской уборной он встал в караул. Через несколько минут оттуда вышла Лесли. Было видно, что она плакала.

— Эй, Лесли! — мягко позвал он.

— Уходи! — Резко обернувшись, она быстро пошла в другую сторону. Глядя на двери учительской,

он побежал за ней, хотя ходить по коридору на перемене было запрещено. — Что с тобой стряслось, а?

— Ты прекрасно знаешь, Джесс Эронс.

— Да, дела-а... — Он почесал в затылке. — А кто тебя тянул за язык? Ты же всегда можешь посмотреть телик у...

Но она снова взвилась, бросилась прочь по коридору и, прежде чем он успел закончить фразу, захлопнула дверь в женский туалет прямо у него перед носом. Джесс уныло выполз из школы. Ждать было опасно — мистер Тёрнер застукает его у туалета, будто он какой-нибудь извращенец или того хуже.

После занятий Лесли села в автобус раньше его и пошла напрямик в угол, на длинное заднее сиденье, прямо на места семиклассников. Он мотнул головой — пусть переседет вперед, но она на него и не взглянула. Ему было видно, как автобус заполняют семиклассники — крупные, начальственного вида грудастые девочки и хилые, кожа да кости, узкоглазые мальчики. Они же убьют ее за то, что она на их территории! Он подпрыгнул, побежал в конец и взял Лесли за руку:

— Пересядь на свое место.

Произнося это, он чувствовал, как старшие ребята, которым он, наверное, заслонял узкий проход, толкнутся за его спиной. И впрямь, Дженис Эйвери, слывшая среди семиклассников воительницей, посвятившей всю жизнь тому, чтобы выбить дурь из любого, кто ниже ее ростом, стояла прямо за ним.

— Посторонись, малявка, — сказала она.

Он врос в землю и держался стойко, как только мог, хотя сердце стучало у самого горла.

— Пойдем, Лесли, — сказал он, заставил себя повернуться и оглядел Дженис Эйвери одним из своих коронных взглядов — завитые светлые локоны, слишком плотно облегающую блузку, расклешенные джинсы, гигантские кеды. Закончив, он сглотнул слюну, глянул прямо в хмурое лицо и почти спокойно сказал: — Вряд ли тут хватит места для вас обеих.

Кто-то присвистнул:

— Эй, Дженис! Следишь за весом?

Глаза у Дженис остекленели от злости, но она посторонилась и пропустила Джесса с Лесли на их обычные места.

Усевшись, Лесли бросила взгляд назад, потом наклонилась к Джессу:

— Она с тебя шкуру сдерет. Смотри, как бесится.

Джесса согрела ее доверительность, но оглянуться он не посмел.

— Ха! — сказал он. — Думаешь, я боюсь эту глупую корову?

К тому времени, как они вышли из автобуса, он наконец смог проглотить слюну, не подавившись, и даже махнул в сторону заднего сиденья, когда автобус тронулся. Лесли улыбалась ему поверх головы Мэй Белл.

— Ну, — весело сказал он, — пока.

— Эй, а как после обеда? Что-нибудь устроим?

— И я! — пискнула Мэй Белл. — Я тоже хочу что-нибудь устроить.

Джесс взглянул на Лесли и прочитал в ее взгляде: «Нет».

— Не в этот раз, Белл. У нас с Лесли сегодня есть кое-какие дела. Ты отнеси домой мои учебники и скажи мамуле, что я у Бёрков. Ладно?

— Да нет у вас никаких дел! Вы даже сами не знаете, что будете делать.

Лесли подошла к Мэй Белл и наклонилась к ней, положив руку на худенькое плечо:

— Хочешь новых бумажных кукол?

Мэй Белл недоверчиво сверкнула глазками:

— Это каких?

— Ну, в старинных костюмах, колониального времени.

Мэй Белл помотала головой:

— Я хочу невесту или «мисс Америку».

— Ты можешь играть в свадьбу. У них много красивых длинных нарядов.

— А что у них не так?

— Ничего. Новенькие, прямо из магазина.

— А почему они тебе не нужны, раз они такие хорошие?

— Когда тебе будет столько лет, сколько мне, — Лесли вздохнула, — ты уже не будешь играть в куклы. Этим мне бабушка прислала. Знаешь, бабушки просто забывают, что ты растешь.

Единственная бабушка Мэй Белл жила в Джорджии и ничего ей не присылала.

— Ты их уже вырезала?

— Нет, честно. А платья все с дырочками, даже ножницы не нужны.

Мэй Белл явно сдавалась.

— Давай так, — предложил Джесс. — Зайди с нами, взгляни на них. Если они тебе подойдут, возьми их домой, когда пойдешь сказать мамуле, где я.

Проводив взглядом Мэй Белл, карабкавшуюся на холм с зажатым в руке новым сокровищем, Джесс и Лесли развернулись и припустили по пустырю за бывшим домом Перкинсов вниз, к высохшему руслу ручья, отделявшего поле от леса. Там на самом берегу росла старая, разлапистая, словно краб, яблоня, с которой свисал привязанный кем-то и давно забытый канат.

Они по очереди принялись раскачиваться над глубоким оврагом. Стоял прекрасный осенний день, и если, раскачавшись, взглянуть вверх, казалось, что ты плывешь. Джесс расслабился и глотнул яркие, ясные краски неба. Теперь он плыл, словно ленивое пухлое облако, взад-вперед по небесной сини.

— Знаешь, что нам нужно? — окликнула его Лесли.

Опьянев от неба, он не мог представить, что ему еще нужно.

— Нам нужно место, — продолжала она, — для нас одних. Такое тайное, что мы о нем не скажем никому в мире.

Джесс, раскачиваясь, вернулся к ней и, вытянув ноги, встал на землю. Она понизила голос до шепота.

— Это может быть тайное царство, — продолжала она. — А мы с тобой будем правителями.

Он заволновался. Конечно, неплохо стать правителем, пусть даже и выдуманной страны.

— Ладно, — сказал он. — Где ж его взять, твое царство?

— Вон там, в лесу. Никто нас не найдет и ничего не испортит.

Лес изобиловал местами, которые Джессу совсем не нравились, например темными ложбинами, в которых ты как под водой, но он этого не сказал.

— Я знаю. — Лесли воодушевлялась все больше. — Это волшебная страна, вроде Нарнии, и единственный способ попасть в нее — перелететь на заколдованном канате. — Глаза ее сверкали. Она схватила канат. — Давай, — продолжала она, — отыщем место, где будет стоять наш неприступный замок.

Они прошли всего несколько ярдов вглубь леса, и Лесли замерла.

— Может быть, прямо здесь? — спросила она.

— Идет, — поспешил согласиться Джесс, радуясь, что не надо нырять в глубину чащи.

Конечно, он повел бы ее туда, не такой он трус, чтоб не исследовать разные там овраги между темнеющими колоннами сосен. Но своим лагерьем, постоянным местом пребывания, он бы избрал именно

это место — кизил с секвойей играют в прятки меж дубов и вечнозеленых деревьев, а солнце струится золотыми потоками сквозь кроны деревьев и ложится у ног теплыми всплесками.

— Идет, — повторил он, отважно кивнув. Подлесок тут был сухой, его легко счистить. Земля почти ровная. — Тут строить можно.

Лесли назвала их тайную страну «Терабития» и одолжила Джессу все свои книги о Нарнии, чтобы он знал, как живут в волшебном королевстве — как охраняют животных и деревья, как ведет себя правитель. Это оказалось труднее всего. Лесли говорила величественно, словно королева, а ему-то и родной, обычный язык давался с трудом, не то что напевная речь короля.

Зато у него были золотые руки. Они натаскали досок и другого материала из мусорной кучи у выгона и построили свой неприступный замок там, где решили. Лесли положила в трехфунтовую кофейную банку крекеров и сушеных фруктов, а в однофунтовую — бечевки и гвоздей. Еще они нашли пять пустых бутылок из-под пепси-колы, вымыли их и наполнили водой на случай, как выразилась Лесли, «осады».

Словно Бог в Библии, они взглянули на дела своих рук, и дела им понравились.

— Вот что, — сказала Лесли, — нарисуй панораму Терабитии, мы ее повесим в замке.

— Я не могу.

Как бы ей объяснить, что он жаждет поймать и запечатлеть трепещущую вокруг жизнь, но при первой же попытке та ускользает из-под пальцев, оставляя на листе какие-то ископаемые?

— Я не смогу, — повторил он. — Эти деревья такие красивые.

Она кивнула:

— Не волнуйся, когда-нибудь сможешь.

Он ей верил, потому что здесь, в тенистом свете неприступного замка, все казалось возможным. У них в руках был целый мир, и ни один враг, ни Гарри Фалчер, ни Ванда Кей Мур, ни Дженис Эйвери, ни собственные страхи и недостатки, ни воображаемые неприятели не могли их побороть.

Спустя несколько дней после того, как замок был достроен, Дженис Эйвери, нечаянно упав в школьном автобусе, завопила, что это Джесс подставил ей подножку. Она подняла такой хай, что миссис Прентис, водитель, велела ему вылезти из автобуса, и пришлось тащиться домой пешком целых три мили.

Когда Джесс наконец добрался до Терабитии, Лесли он нашел у одного из просветов под крышей; она читала, ловя уходящий дневной свет. На обложке книги была картинка, изображающая касатку, нападающую на простого дельфина. Зайдя в замок, он сел рядом с ней на землю.

— Что поделываешь?

— Читаю. Что-то же надо делать. — Ее ярость ракетой вылетела на поверхность. — Нет, какая гадина!

— Ну ее на фиг. Зато я немного прогулялся.

Что значит небольшая прогулка по сравнению с тем, что может придумать Дженис Эйвери?

— Тут дело в принципе, Джесс, вот чего ты никак не можешь понять. Таких людей надо останавливать. Иначе они превратятся в тиранов и диктаторов.

Потянувшись, он взял у нее из рук книгу о китах и дельфинах и притворился, что рассматривает картинку на супере.

— Мысли какие-нибудь есть? — небрежно спросил он.

— Что?

— Я думал, ты прикидываешь, как остановить Дженис Эйвери.

— Да нет, что ты! Мы пытаемся спасти китов. Они ведь могут исчезнуть.

Он вернул ей книгу:

— Китов спасаем, людей убиваем, а?

Она наконец улыбнулась.

— Что-то в этом роде, я думаю. Скажи, тебе приходилось слышать про Моби Дика?

— Это еще кто такой?

— Ну, жил-был однажды огромный белый кит по имени Моби Дик.

Лесли принялась сплетать чудесную историю о ките и безумном морском капитане, поклявшемся его убить. У Джесса чесались руки — вот бы это нарисо-

вать! Может, были бы у него хорошие краски, ему бы это удалось. Надо сделать так, чтобы кит сиял белым светом на фоне черной воды.

Если в первые дни школьного года они избегали друг друга, то к октябрю беззаботно приняли свою дружбу. Фалчер получал не меньшее удовольствие, чем Бренда, дразня Джесса «его подружкой», но того это мало трогало. Он знал, что «подружки» гоняются за тобой на перемене, пытаются схватить тебя и поцеловать. Представить себе Лесли в такой роли было не легче, чем представить, что миссис Майерс посылает мяч за флагшток. Фиг с ним, с Гарри Фалчером!

В школе действительно не было свободного времени, кроме перемен, и теперь, когда забеги кончились, Джесс с Лесли обычно искали на поляне тихое место, садились и разговаривали. Кроме волшебного урока по пятницам, Джесс в школе ждал только большой перемены. Лесли всегда приносила интересные новости или шутки, и можно было как-то выдержать. Чаще всего доставалось миссис Майерс. Лесли всегда тихо сидела за партой, никогда не перешептывалась, не мечтала, не жевала жвачку, все выполняла на отлично и все же была переполнена разными проказами. Если бы учительница могла увидеть, что творится под маской образцовой ученицы, она бы в полном ужасе выгнала ее из класса.

Джессу с трудом удавалось сохранять серьезное выражение, едва он представлял, что кроется за ан-

гельским взглядом. Однажды Лесли призналась ему на перемене, что все утро представляла миссис Майерс на одной из тех ферм в Аризоне, где избавляются от лишнего веса. Несчастливая училка была в ее фантазиях запойной обжорой (как тут скажешь?), которая прячет сладости в самых странных местах — в умывалке, например, в шкафчике над раковиной, — а потом их находят и всем показывают, унижая ее перед другими толстухами. Позже Джесс представлял, что миссис Майерс взвешивают, а на ней только розовый корсет. «Опять что-то скрываешь, бочка!» — визжала костлявая директриса, а миссис Майерс чуть не плакала.

— Джесси Эронс! — Резкий голос учительницы проткнул тонкую пленку его грез.

Он не смел взглянуть в толстое лицо миссис Майерс, чтобы не лопнуть от смеха, и вперил взгляд в неровно подрубленный край ее юбки.

— Да, мэ. — Надо бы поучиться у Лесли хладнокровию. Миссис Майерс всегда удавалось застукать его за грезами, но ей и в голову не пришло бы подозревать Лесли в невнимательности. Он украдкой взглянул на нее, она была поглощена географией. Во всяком случае, так казалось тем, кто ее не знал.

Ноябрь в Терабитии выдался холодным. Они не решились развести в замке костер, хотя иногда разводили его снаружи и грелись у него. Лесли удавалось прятать в неприступнейшем из замков два спальных

мешка, но первого декабря ее отец заметил пропажу, и ей пришлось вернуть их на место. Вернее, Джесс заставил их вернуть. Нельзя сказать, чтобы он боялся Бёрков. Они были молоды, оба с ровными белыми зубами и пышной копной волос. Лесли называла их Джуди и Билл, что коробило Джесса больше, чем ему хотелось бы. Не его это, в общем, дело, как она зовет своих родителей, но очень уж странно...

И муж, и жена были писателями. Миссис Бёрк сочиняла романы и, если верить Лесли, была известнее мистера Бёрка, который писал о политике. Стоило взглянуть на полку, где стояли ее книги. Это было нечто! Миссис Бёрк на обложке называлась «Джудит Хэнкок», что сперва обескураживало, но потом, на задней обложке, вы видели фотографию, с которой, без сомнения, глядела она, только очень молодая и серьезная. Мистер Бёрк сновал между фермой и Вашингтоном, заканчивая книгу, которую писал вместе с кем-то, но он обещал Лесли после Рождества остаться дома и ремонтировать ферму, сажать овощи, слушать музыку, читать вслух, а писать только в свободное время.

Они не были похожи на богачей, как их представлял себе Джесс, но даже он понимал, что их джинсы куплены не на распродаже. У Бёрков не было телевизора, но были горы пластинок и стереопроигрыватель, напоминающий аппарат из «Звездных войн». А машина, пыльная и маленькая, была все-таки итальянской и тоже вроде бы дорогой.

С Джессом, когда он заходил, они всегда были приветливы, но потом, не предупредив, переходили на французскую политику, струнные квартеты (он поначалу думал, что это какие-то ящики или, скорее, бидоны на одну кварту, сплетенные почему-то из струн), спасение лесных волков, или секвой, или поющих китов, и он боялся даже рот раскрыть — не дай бог увидят раз и навсегда, какой он дурак.

Приглашать Лесли к себе тоже было неудобно. Джойс Энн станет пялиться на нее, как полная идиотка, засунув палец в рот. Бренда с Элли непременно вставят какую-нибудь гадость насчет «подружки». Мать будет скованной и смешной, как всегда, когда ей приходится пойти зачем-нибудь в школу. Потом ей не нравится, как Лесли одета, — ведь та всегда и всюду носила брюки, даже в школу, и прическа у нее «короче, чем у мальчика», а родители вообще «хиппи какие-то». Мэй Белл то пыталась примазаться к ним с Лесли, то хныкала, что о ней забыли. Отец видел Лесли всего несколько раз и кивал ей, но мать уверяла, что ему неприятно видеть, когда единственный сын играет с одними девочками, да и оба они беспокоились, что из этого выйдет.

Сам-то Джесс ничуть не беспокоился. Впервые в жизни он вставал каждое утро, уверенный, что его ждет что-то стоящее. Они не просто дружили с Лесли, она была его лучшей, веселой стороной — дорогой в Терабитию и дальние края. Терабития оставалась тайной, и слава богу, Джесс не смог бы

объяснить это постороннему. Один поход на холм, к лесам, и то вызывал в нем какое-то тепло, разливавшееся по всему телу. Чем ближе он подходил к высохшему руслу и канату на старой яблоне, тем сильнее чувствовал, как бьется у него сердце. Он хватал конец каната, раскачивался и вмиг, объятый дикой радостью, перелетал на другой берег, а там плавно приземлялся на обе ноги, становясь в этой таинственной стране выше, сильнее и мудрее.

Любимым местом Лесли за неприступным замком был сосновый лесок. У этих сосен были такие густые кроны, что солнце там пряталось, как за вуалью. Ни низкий кустарник, ни трава в этом сумраке расти не могли, так что землю покрывал ковер золотых иголок.

— Я сначала подумал, что это место заколдовано, — признался Джесс в первый же день после того, как, собрав всю свою смелость, повел туда Лесли.

— Так ведь на самом деле... — начала она. — Только ты не пугайся. Тут нет злых духов.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сам можешь почувствовать. Слушай!

Сначала он слышал только тишину и покой. Эта самая тишина раньше его неизменно пугала, но на этот раз она была как то мгновение, когда мисс Эдмундс закончит петь и растают в воздухе аккорды. Да, Лесли права. Они стояли не двигаясь, чтобы шуршание сухих игл не нарушило волшебства. Далеко-далеко от их бывшего мира слышался крик диких гусей, летящих на юг.

Лесли глубоко вдохнула.

— Это необычное место, — прошептала она. — Даже правители Терабитии приходят сюда только в великом горе или великой радости. Мы будем бороться за то, чтобы оно осталось священным. Нехорошо тревожить духов.

Он кивнул, и без единого слова они вернулись на берег ручья, где разделили скромную трапезу, состоявшую из крекеров и сушеных фруктов.

Глава пятая

ЛЕСЛИ И ДЖЕСС, ГРОЗА ВЕЛИКАНОВ

Лесли любила сочинять истории про великанов, которые грозят миру и покою Терабитии, но оба знали, что подлинный злодей в их жизни — Дженис Эйвери. Конечно, издевалась она не только над ними. У нее были две подруги, Вильма Дин и Бобби Сью Хеншоу, такие же туши, и вся тройка врывалась на площадку, мешая прыгать через скакалочку, сшибая битки у играющих в классики и хохоча над испуганным визгом. Они каждое утро стояли у женского туалета, отбирая у малышей деньги на завтраки как плату за вход.

Мэй Белл, к сожалению, училась туго. Отец привез ей коробку конфет, и она ею так гордилась, что, как только влезла в автобус, забыла все, что знала, и крикнула другой первоклашке:

— Отгадай, какой у меня сегодня завтрак, Билли Джин!

— А что?

— Кон-фе-ты!!! — завопила она так громко, что ее услышал бы на заднем сиденье даже глухой на оба уха. Уголком глаза Джесс вроде бы заметил, как оживилась Дженис Эйвери.

Когда все уселись, Мэй Белл еще хвасталась своими сокровищами, перекрикивая рев мотора:

— Папа из Вашингтона привез!

Джесс снова оглянулся и тихо сказал ей:

— Да заткнись ты!

— А тебе завидно, тебе папуля ничего не привез!

— Ладно. — Он пожал плечами, глядя поверх ее головы на Лесли («Видишь, я ее предупредил?»), и та кивнула в ответ.

Поэтому оба они не удивились, когда Мэй Белл, громко ревя, кинулась к ним на перемене:

— Она конфеты уперла!

Джесс вздохнул:

— Мэй Белл, говорил я тебе, а?

— Ты лучше ее убей! Убей, убей, убе-е-ей!..

— Тш-ш... — сказала Лесли, глядя Мэй Белл по голове, но та хотела не утешения, а мести.

— Р-р-разорви на кусочки-и-и!..

Легче уж сразиться с госпожой Годзиллой.

— Этим делу не поможешь. Твои конфеты у нее в брюхе.

Лесли засмеялась, но Мэй Белл не сдалась:

— Ты только орать умеешь! У сестрички конфеты спе-е-рли, а он...

И она взревела по второму разу.

Джесс окаменел. На Лесли он взглянуть не решался. Да, выхода нет. Надо драться с этой гориллой.

— Послушай, Мэй Белл, — сказала Лесли, — если они подерутся, ты же знаешь, что будет.

Мэй Белл утерла нос тыльной стороной руки.

— Она его одолеет.

— О нет! Его выгонят из школы. Девочек бить нельзя. Ты знаешь, как директор к этому относится.

— Она конфеты сперла!

— Да, да. И ей это даром не пройдет. Правда, Джесс?

Он кивнул как можно уверенней. Все лучше, чем обещать драку с Дженис.

— А чего вы сделаете?

— Я еще не знаю. Подумаем, решим. Я тебе обещаю, она за это заплатит.

— Скажи: «Вот тебе крест!»

Лесли серьезно перекрестилась. Мэй Белл повернулась к Джессу, он тоже перекрестился, стараясь не выглядеть полным дураком — ну что это, клянется малявке посреди двора!

Мэй Белл громко засопела.

- А лучше бы разорвал на тысячу ку...
- Нет, — сказала Лесли. — Может, и лучше, но школой заведует мистер Тёрнер. Правильно, Джесс?
- Да.

После уроков, в замке, они держали военный совет, думая и гадая, как же проучить Дженис Эйвери и не вылететь из школы.

— Поймать бы ее на чем-нибудь... — сказала Лесли после того, как они отвергли идею налить меду на ее сиденье в автобусе и клею в ее лосьон для рук. — Она курит в уборной. Если бы подманить туда директора, когда дым идет из-под двери...

Джесс безнадежно покачал головой:

— Она сразу поймет, кто наступал.

Они помолчали, представляя, что она тогда сделает.

— Да, — согласилась Лесли. — Знаешь, чего такие девицы больше всего боятся?

— Чего?

— Оказаться в глупом виде.

Джесс вспомнил, как глядела Дженис, когда с его подачи над ней смеялся весь автобус. Лесли права. Есть у этой туши слабое место. Он кивнул и улыбнулся ей.

— Верно. Опять насчет жира?

— Да нет, — медленно ответила Лесли, — лучше насчет мальчиков. Она в кого влюблена?

— Вроде бы в Уилларда Хьюза. В седьмом классе все от него мрут.

— Та-ак... — Глаза у Лесли сияли, план был готов. — Пишем ей записку как бы от Уилларда...

Джесс быстро взял карандаш из банки, бумагу из-под камня и дал их Лесли.

— Нет, пиши ты. У меня слишком правильный почерк.

Он приготовился.

— Так, — повторила она. — Вот: «Дорогая Дженис». Нет, «Золотая моя Дженис...»

Джесс заколебался.

— Поверь, Джесс, съест как миленькая. Итак, «Золотая моя Дженис!» Насчет знаков или, там, ошибок не волнуйся, будет похоже на него. Да. «Может быть, ты не согласишься, но я тебя люблю».

— Думаешь, она... — спросил он, записывая это.

— Сказано, съест как миленькая. Такие, как она, чему угодно поверят. Теперь так: «Если ты меня не любишь, ты разобьешь мое сердце. Если любишь, как я тебя люблю...»

— Я за тобой не успеваю.

Лесли подождала, а когда он поднял взгляд, снова стала диктовать:

— «Встретимся сегодня за школой после уроков. Насчет автобуса не бойся. Я хочу пойти домой пешком и говорить о Нас» — «нас» с большой буквы! «Целую тебя, моя любовь. Уиллард Хьюз».

— Целую?

— Да. А после «любовь» поставь точки. — Она посмотрела через его плечо. — Очень хорошо. Теперь — постскриптум.

Он написал «P. S.».

— Та-ак... «Не говори никому. Это наша тайна».

— А это зачем?

— Какой ты глупый! Чтобы она всем рассказала. — Лесли перечитала записку и осталась довольна. — Прекрасно. Ты написал «нащёт» и «никому». — Она перечитала снова. — Здорово получилось!

— Да уж. Наверное, там, у вас, у тебя была любовь.

— Джесс Эронс! Сейчас ка-ак тресну!

— Короля Терабитии? А не опасно ли?

— Да, это цареубийство.

— Как-как?

— Ца-ре-у-бий-ство. Я тебе рассказывала про Гамлета?

Он лег на спину и радостно ответил:

— Нет еще.

Господи, как он любил ее рассказы! Когда-нибудь попросит их записать, а сам нарисует картинки.

— Так вот, — начала она, — жил в Дании принц Гамлет...

Он набросал в уме тенистый замок и несчастного принца, который гуляет по стенам. А как нарисовать призрака в тумане? Карандаш не годится, а вот краски можно наложить тонким слоем одну на другую, и кто-то бледный, расплывчатый выйдет из глубин листа. Его зазнобило. Он знал, что сумеет это сделать, если она одолжит ему краски.

Самое трудное было в том, как подсунуть записку. Наутро они пришли в школу до первого звонка. Лесли шла на несколько шагов впереди, так что, если бы их накрыли, никто не догадался бы, что они вместе. Директор терпеть не мог, когда школьники ходили парочками. Добравшись до седьмого класса, Лесли просочилась внутрь, потом подала знак Джессу. У него просто волосы встали дыбом. О господи!

— А где ее парта?

— Я думала, ты знаешь.

Он помотал головой.

— Наверное, надо во все заглянуть, пока не найдешь. Быстрее. Я покараулю. — Она тихо закрыла дверь, предоставив ему по возможности бесшумно рыться в каждой парте, но его дурацкие руки так тряслись, что он едва мог вытаскивать тетрадки и разбирать фамилии.

Внезапно он услышал голос Лесли.

— О, *миссис Пирс*! А я вас дождаюсь!

Господи! Училка семиклассников стояла в коридоре, намереваясь войти в класс. Он застыл и не слышал через закрытую дверь, что отвечала миссис Пирс.

— Да, мэм. На южном конце здания есть очень интересное гнездо... — Лесли заговорила еще громче. — Вы так много знаете! Я надеялась, вы улучите минутку, чтобы *рассмотреть его со мной* и сказать, какая там птица.

В ответ что-то пробормотали.

— О, благодарю вас, миссис Пирс! — Лесли уже почти вопила. — Это займет не больше минуты, а для меня так много значит!

Едва услышав их удаляющиеся шаги, он мигом облетел оставшиеся парты, пока, слава богу, не нашел ту, в которой была тетрадь с именем Дженис Эйвери. Он сунул туда записку и понесся в мужской туалет, где и прятался, пока звонок не позвал его в класс.

На большой перемене Дженис Эйвери шушукалась о чем-то с Вильмой и Бобби Сью. Потом, вместо того чтоб дразнить маленьких, они пошли рука об руку смотреть, как старшие играют в футбол. Когда тройка дефилировала мимо них, Джесс увидел, что лицо у Дженис порозовело от гордости. Он выразительно посмотрел на Лесли, она — на него.

Автобус уже собирался отъехать, когда один из семиклассников, Билли Моррис, крикнул миссис Прентис, что Дженис Эйвери нет.

— Все в порядке, миссис Прентис, — вмешалась Вильма Дин, — она сегодня с нами не поедет. — Потом, громким шепотом: — Ладно притворяться, все вы слышали, что у Дженис свиданка сами знаете с кем.

— С кем? — спросил Билли.

— Да с Уиллардом. Он в нее так втюрился, крыша чуть не поехала! Даже провожает до самого дома.

— Как это? А вот триста четвертый только что отъехал, Уиллард там сидит. Наверное, забыл, что ли...

— Врешь!

Билли громко ругнулся, и все заднее сиденье жарко заспорило о том, влюблены ли друг в друга Дженис Эйвери с Уиллардом Хьюзом и встречаются ли они тайно.

Выбравшись из автобуса, Билли рявкнул Вильме:

— Ты бы лучше сказала, что Уиллард ей голову оторвет за такие слухи!

Лицо у Вильмы было багровым, когда она крикнула в окно:

— Ладно, сам говори! Спроси у него про письмо! Что, съел?

— Бедная старая Дженис, — сказал Джесс, когда они уже сидели в замке.

— Бедная? Да она это все заслужила!

— Верно. — Он вздохнул. — А все-таки...

Лесли удивилась:

— Ты что же, раскаиваешься?

— Нет. Мы должны были это сделать, и все-таки...

— Да?

Он усмехнулся.

— Может, я к ней чувствую то, что ты к этим хищным касаткам.

Она тронула его плечо.

— Пошли, найдем каких-нибудь великанов или, там, призраков и победим их. Хватит с меня Дженис Эйвери!

На следующий день Дженис неуклюже забралась в автобус, угрожающе глядя на пассажиров. Лесли пихнула локтем Мэй Белл.

Та широко раскрыла глаза:

— Вы что, правда?

— Ш-ш-ш! Да.

Мэй Белл обернулась на 180 градусов и уставилась на заднее сиденье, потом повернулась к Джессу и ткнула его в бок:

— Она из-за вас такая?

Джесс кивнул, стараясь повернуть голову как можно незаметней.

— Письмо сочинили мы, — прошептала Лесли. — Но ты никому не говори, а то она нас убьет.

— Я знаю, — сказала Мэй Белл, сверкая глазками, — знаю.

Глава шестая ПРИНЦ ТЕРИАН

До Рождества оставался почти месяц, но девицы только о нем и говорили. В этом году они обзавелись мальчиками и непрерывно спорили и ссорились, решая, что им подарить, и гадая, что подарят им самим. Ссорились они потому, что мать, как обычно, жаловалась на бедность, которая не позволяла купить подарки своим, не говоря уж о пластинках и майках для чужих.

— Что ты подаришь своей девице? — спросила Бренда Джесса, уродливо кривясь.

Он старался не обращать внимания. Книжка Лесли про свинопаса была куда интересней Брендиных дерзостей.

— Ты что, не знаешь? — сказала сестре Элли. — У него девицы нет.

— Да уж, эту жердь так не назовешь, — согласилась Бренда и засмеялась ему в лицо, выговаривая крашеными губами: — Тоже мне, де-ви-ца!

Его окатило жаром, и он бы ее стукнул, если бы не вскочил и не выбежал из комнаты.

Позже он пытался понять, почему так вспылil. Конечно, как не разозлиться, если такая дура вздумала смеяться над Лесли. Господи, это надо же! Бренда ему сестра, а Лесли вроде бы никто! «Может быть, — думал он, — я подкидыш, как в книжках». Когда в речке еще была вода, приплыл в просмоленной корзине. Отец нашел его и принес, потому что хотел сына, а у него рождались только глупые дочки. Настоящие сестры и братья живут далеко, дальше Западной Вирджинии, а то и дальше Огайо. Где-то есть настоящая семья, дом там набит книгами, родители все еще тоскуют по украденному ребенку.

Но это не все, есть другой повод для гнева. Скоро праздник, а для Лесли у него ничего нет. Дорогого подарка она не ждет, это ему нужно что-то подарить ей, как нужно поест, если голоден.

Можно что-нибудь нарисовать. Он даже украл в школе бумагу и карандаши. Но ничего не получалось, он перечеркнул страницу и выбросил в печку.

На последней неделе он совсем отчаялся. Попросить совета или помощи... Но у кого? Отец сказал, что даст ему по доллару на члена семьи, но даже если схитрить, останется слишком мало. Кроме того, Мэй Белл помешалась на этих Барби, и он обещал купить ей вместе с Элли и Брендой дурацкую куклу. А тут еще цены подскочили, придется позаимствовать из оставшихся денег. Как-никак в этом году к Мэй Белл надо подольститься. Она ходит канючит, с собой ее не возьмешь — на что она им с Лесли? — а ей ничего не объяснишь. Играла бы с Джойс Энн! Не может он все время с ней возиться. Да, но Барби купить надо.

Словом, денег нет, подарок не купишь. Лесли — не его сестрицы, она смеяться не станет, что ей ни подари. Но ему это нужно самому, чтобы потом гордиться.

Были бы деньги, он бы купил ей телик. Маленький такой, японский, чтобы держать у себя и не мешать Джуди с Биллом. Нехорошо все-таки, столько денег у людей, а телика не купят! Конечно, Лесли не стала бы глазеть целый день, как Бренда, — рот разинет, глаза выпучит, прямо золотая рыбка. Но иногда — можно. Во всяком случае, в школе бы меньше смеялись. Однако денег нет, так что и думать нечего.

Джесс печально смотрел из школьного автобуса. Какой же он дурак, честное слово! Спасибо, что Лесли вообще с ним водится. Больше-то никого и нет. Нашелся бы кто в этой дурацкой школе... Сдуру

он чуть не проехал мимо большого щита, но что-то в голове щелкнуло, и он побежал к выходу, толкнув Лесли и Мэй.

— Пока! — кинул он, пробираясь по ногам. — Ой, выпустите меня, миссис Прентис!

— Тут не твоя остановка.

— Да мама, знаете... — соврал он.

— Только меня не подставь. — Она притормозила.

— Нет, что вы! Спасибо.

Он выскочил еще на ходу и побежал к плакату. Там было написано: «ЩЕНКИ. ДАРОМ».

Лесли он назначил встречу в сочельник у замка. Родители и сестры пошли за покупками, он отстал. Собачка была бурая с черным, с большими карими глазами. Ленточку он стащил у Бренды и теперь несся через поля, а там — вниз по холму, едва удерживая свой подарок. Пока он бежал, щенок вылизал ему лицо и обмочил грудь, но все-таки вел себя пристойно. Сжимая его под мышкой, Джесс перебрался через речку. Пройти оврагом было бы легче, но он чувствовал, что в Терабитию надо вступить так, как положено. Щенок не должен нарушать правила. Это опасно им обоим.

У замка он повязал щенку бантик и посмеялся, когда новый питомец попробовал вылезти из петли, а потом стал жевать концы ленточки. По всему видно, умный. Таким подарком можно гордиться.

Лесли так обрадовалась, что упала на колени, хотя земля была холодная, схватила щенка и прижала его к лицу.

— Осторожно! — предупредил Джесс. — Это прямо фонтан какой-то.

Лесли чуть-чуть его отстранила.

— Это мальчик или девочка?

Вот тут он знал больше, чем она, и радостно ответил:

— Мальчик.

— Тогда мы его назовем Принц Териан.

— Он стережет Терабитию.

Она положила щенка на землю и встала.

— Ты куда?

— В сосновую рощу. Там очень хорошо.

Позже Лесли дала ему свой подарок — коробку акварели с двадцатью четырьмя тюбиками, тремя кисточками и пачку хорошей бумаги.

— Ой, господи! — сказал он. — Спасибо.

Ему хотелось придумать что-то получше, но он не смог и повторил:

— Спасибо.

— Это не такой хороший подарок, как у тебя, — смиренно признала Лесли. — Ну все-таки, надеюсь, понравится...

Ему хотелось сказать ей, что он рад и горд и завтрашний день не важен, если так хорошо сегодня, но слова не шли.

— Ага, ага... — выдавил он, встал на колени и залаял. Щенок в полном восторге бегал вокруг него.

Лесли засмеялась, Джесс совсем разошелся. Что бы ни сделал щенок, он ему подражал и в конце концов вывалил язык. От смеха Лесли еле вскрикивала:

— С ума сошел!.. Как же мы его научим?.. Он ведь сторож, страж... а ты из него делаешь клоуна!

— Р-р-ры, — рычал Териан, закатывая глазки. Джесс и Лесли ослабели от смеха.

— А знаешь, — сказала она наконец, — пускай он будет шутом.

— Имя не подходит.

— Да нет, ничего. Принцы, — прибавила она самым терабитским тоном, — тоже бывают шутами.

Радость этого дня осветила весь вечер. Джесса не трогали даже дрязги сестер, разбиравших подарки. Он помог Мэй Белл завернуть ее жалкие пакетики и спел с ней и с Джойс «Санта-Клаус в город идет». Потом Джойс заплакала, потому что у них нет камина, как же этот Санта проберется, а Джесс пожалел, что ее водили по лавкам, и теперь она ждет какого-то типа в красной шубе, который принесет ей то, о чем она мечтает. Шестилетняя Мэй Белл все ж поумнее, ей нужна эта дура Барби. Хорошо хоть он не поскупился. А бедная Джойс заколке не обрадуется, но ругать будет не его, а Санта-Клауса, — зачем дарит такую дешевку.

Он неловко обнял сестричку и сказал:

— Ну-ну, Джойс Энн! Не плачь, он дорогу знает. Обойдется без трубы, правда, Мэй Белл?»

Мэй смотрела на него большими серьезными глазами. Джесс незаметно кивнул ей поверх сестрицной головки, и она смягчилась.

— Знает, знает! Он все знает, что хочешь, — заверила она, пытаясь мигнуть ему в ответ. Вообще-то, она ничего. Он ее любил.

Наутро он помог ей раз тридцать одеть и раздеть Барби. Коротким пальчикам не удавалось натянуть кукольное платье на поднятые руки и управиться с застежками.

Самому ему подарили гоночные машинки, и он погонял их, чтобы обрадовать отца. Они были не такие большие, как в телике, но все-таки электрические, так что отец, конечно, потратил больше, чем надо бы. Машинки то и дело съезжали с дорожки, отец всякий раз бранился, а Джесс очень хотел, чтобы тот мог гордиться подарком, как он гордился щенком.

— Вот здорово! — приговаривал он. — Просто я еще не приспособился.

Лицо у него покраснелось, он откидывал волосы, наклоняясь над машинками.

— Дешевка! — Отец едва не сбил их ногой. — Ни на что денег не хватает.

Джойс Энн лежала и ревела, потому что порвала такую штучку, которой кукла разговаривала. Бренда дулась, потому что Элли на Рождество получила колготки, а она — гольфы. Элли тоже не радовала, скача в своих колготках вокруг мамы и стараясь показать, что помогает ей с обедом (окорок и бататы). Честное слово, она не лучше Ванды Кей Мур!

— Джесс Оливер Эронс-младший! — сказала мать. — Может, бросишь эти дурацкие машинки и подоишь корову? У тебя праздники есть, а у нее нету.

Он вскочил, радуясь предлогу бросить игру, не огорчив отца. Мать вроде бы не заметила его порыва и жалобно продолжала:

— Что бы я делала без Элли! Ей одной важно, жива я или умерла.

Элли улыбнулась, как пластиковый ангел, сперва ему, потом — Бренде.

Наверное, Лесли его ждала — как только он вышел во двор, она выбежала из-за дома Перкинсов. Щенок кружил вокруг нее, путаясь под ногами.

Встретились они у Мисс Бесси.

— Я уж думала, ты не выйдешь!

— Ну, сама знаешь, Рождество.

Принц Териан стал нюхать корове копыта. Она раздраженно топала. Лесли взяла его на руки, чтобы Джесс мог доить. Щенок лизал ей лицо, мешая разговаривать. Она блаженно хихикала и наконец гордо сказала:

— Вот дурачок!

— Ага, — отвечал Джесс, снова ощущая, что пришел праздник.

Глава седьмая

ЗОЛОТАЯ КОМНАТА

Мистер Бёрк занялся Перкинсовым домом. После Рождества жена его как раз дописала книгу до половины и помогать не могла, так что Лесли пришлось крутиться по дому. При всей своей склонности к политике и музыке мистер Бёрк был очень рассеян — положит молоток, чтобы взять справочник, а потом ищет не найдет среди проектов. Лесли хорошо отыскивала вещи, он вообще любил с нею общаться. После школы и в свободные дни ему нравилось, чтобы она была дома, и ей приходилось объяснять это Джессу.

Джесс пытался ходить один в Терабитию, но ничего не получалось, без Лесли чар не было. Он боялся, что напрочь спугнет их, если попытается вызвать, к нему они не стремились.

Дома мать приставала по хозяйству или Мэй Белл заставляла играть с Барби, и он уже тысячи раз жалел, что помог купить эту дуру. Стоило ему лечь на пол и заняться рисованием, как сестрица начинала канючить, чтобы он вправил ручку или одернул платье. Джойс Энн была еще вреднее. Ей доставляло какое-то зверское удовольствие шлепать его по задку, только он ляжет на живот. Если он орал: «Брысь!» — она совала палец в рот и принималась хныкать, а мать, естественно, ворчала:

— Джесси Оливер! Оставь ребенка! И вообще, чего разлегся? Сказано тебе, я стряпать не могу, пока ты дров не наколешь!

Иногда он сбегал туда, к Перкинсам, и видел, как Принц Териан скулит у порога. Мистер Бёрк его выгонял, и Джесс не обижался — разве можно работать, когда щенок то и дело хватает за руку или норовит вылизать лицо? Джесс уводил щенка на дальнее поле. Если день был погожий, Мисс Бесси нервно мычала из-за плетня, никак не могла привыкнуть к визгу и лаю. А может, ее раздражал неуютный конец зимы. Словом, ни люди, ни звери счастливы не были.

А вот Лесли — была. Ей страшно нравилось чинить старый дом, да и просто знать, что она нужна отцу. Половину времени они болтали, а не работали,

и позже она радостно объясняла Джессу, что учиться «понимать папу». Ему самому и в голову не приходило, что родители хотят, чтобы их понимали, с таким же успехом можно было подумать, что сейф в миллсбургском банке просит открыть его. Родители — такие, как есть, не наше дело их разгадывать. Странно, когда взрослый дружит с ребенком. У него — свои друзья, а у нее пусть будут свои.

Чувства к Леслиному отцу саднили, как болячка. Ты ее трогаешь, а она только хуже. Одно остается — не думать, тогда уж точно пройдет. До чего ж этот тип его раздражал! Даже когда они с Лесли были одни, он умел все испортить. Она сидит болтает, прямо как раньше, — и вдруг ка-ак скажет: «А Билл думает...» — и все, по самой болячке!

Постепенно она догадалась — так, к концу февраля, для такой умной девочки это долго.

— Почему ты Билла не любишь?

— А кто говорит, что не люблю?

— Да ты сам. Что я, совсем глупая?

«Иногда — совсем», — подумал он, но спросил:

— С чего ты вздумала?

— Ну, ты к нам больше не ходишь. Сперва я решила, это из-за меня, но в школе-то мы разговариваем. Ты часто гуляешь с Терианом, а к двери и не подойдешь!

— Ты всегда занята, — сказал он и поежился, уж очень похоже на Бренду.

— Ой, господи! А ты бы взял и помог.

Когда она это сказала, было так, словно гроза выключила свет, а потом зажглись все лампочки. Ну, кто же глупый?

И все-таки поначалу он смущался при ее отце. Сперва он не знал, как его называть. «Эй!» — говорил он, и оба они с Лесли оборачивались.

— М-мистер Бёрк...

— Называй меня Билл, — сказал тот.

— Ладно.

Дня два было нелегко, потом он притерпелся. Помогало и то, что он знал вещи, о которых Билл ведать не ведал при всех своих мозгах и книгах. Оказалось, ему действительно можно помочь, а его, Джесса, не просто терпит, как собачку.

— Удивительно, — говорил Билл. — И где ты этому научился?

Джесс и сам не знал, а потому пожимал плечами и предоставлял отцу с дочерью хвалить его, хотя и сама работа была наградой.

Сначала они ободрали доски со старого очага, обнажив, словно руду, рыжие кирпичи, потом сняли все пять слоев безвкусных обоев. Иногда за работой Билл что-то рассказывал или пел. Лесли и Джесс научили его кое-каким песням мисс Эдмундс, он их — своим. Бывали и беседы. Джесс зачарованно слушал всякие научные объяснения. Если бы мать его увидела, она бы решила, что он — первый ученик, а не хиппарь какой-то. Он и не знал, что можно так жить. Вот, например, Джуди как-то спустилась вниз

и почитала им наизусть, и не только прозу, а стихи, даже итальянские. Джесс, конечно, их не понял, но наслаждался самими звуками и удивлялся, до чего же умны и шикарны его друзья.

Гостиную выкрасили золотой краской. Лесли и Джесс хотели синюю, но Билл не сдался, и оказалось так хорошо, что они сами обрадовались. Окна выходили на запад, и под вечер комната была доверху полна света.

Наконец Билл взял напрокат такую машину, и они смыли песком черную краску с пола, а потом отшлифовали широкие дубовые доски.

— Ковров не будет, — сказал Билл.

— Да, — согласилась Джуди. — Это все равно что надеть вуаль Моне Лизе.

Когда Билл с детьми счистили с окон последнюю краску и вымыли рамы, они позвали Джуди сверху, из ее кабинета. Сидя вчетвером на полу, они любовались. Нет, просто красота!

Лесли радостно вздохнула:

— Какая комната! Золото — как волшебство. Это, — тут Джесс тревожно огляделся, — настоящий замок.

Он успокоился. В таком настроении можно ненадолго нарушить клятву. Но она ее не нарушила, даже Биллу и Джуди не сказала, а уж он-то знал, как она их любит. Вероятно, она заметила его беспокойство и подмигнула точно так, как подмигивал он Мэй

Белл над головой самой младшей сестрички. Терабития осталась их собственной страной.

Назавтра они кликнули Принца и пошли туда. Они больше месяца там не были и, приближаясь к руслу, замедляли шаг. Джесс не был уверен, помнит ли он, как быть королем.

— Сколько лет прошло! — шептала Лесли. — Как ты думаешь, что они без нас делали?

— А на чем мы кончили?

— Завоевали злых дикарей на северной границе. Но мосты и дороги пришли в негодность, и мы долго не могли вернуться в родные края.

Да, ничего не попишешь — королева! Джесс хотел бы говорить вот так же.

— По-твоему, что-нибудь случилось? — спросил он.

— Мужайся, король. Все может быть.

Они молча перешли речку. На другом берегу Лесли подняла две палочки и прошептала:

— Твой меч, сир.

Джесс кивнул. Они пригнулись и поползли к замку, как сыщики в сериале.

— Эй, королева! Гляди! Там, там, сзади!

Лесли повернулась и стала сражаться с вымышленным врагом. Подросли другие, шум битвы огласил Терабитию. Страж королевства радостно бегал кругами, не осознавая по молодости, как велика опасность.

— Отступают! — вскричала отважная королева.

— О-го-го-го!

— Гони их, сир! Пусть знают, как нападать на наш народ!

— У-лю-лю! Эй! О-го-го!

Они гнали врага, потев в своих теплых куртках.

— Ура! Терабития снова свободна.

Король сел на бревно и отер пот, но королева не дала ему расслаживаться.

— Сир, — сказала она, — идем в сосновую рощу, возблагодарим за спасение.

Джесс пошел за ней, и они молча постояли в полумраке.

— Кого благодарим? — шепнул он.

— Ой, господи! — Она смутилась, ей было легче с феями, чем с Богом. — О, духи рощи!

— Десница Твоя — помощь наша, — сказал он, не помня толком, где это слышал, но чувствуя, что Лесли одобрила его взглядом и снова заговорила:

— Храни Терабитию ради народа ее и нас, его правителей.

— И ради собачки.

— Ради Принца Териана, стража и шута.

— Аминь.

Им удалось не хихикать, пока они не вышли из рощи.

Через несколько дней после встречи с врагами у них была совсем другая встреча. Лесли вышла на переменке, сказав Джессу, что идет «по делу», как вдруг остановилась, услышав в уборной плач.

— Чушь какая-то, — тихо сказала она. — Судя по ногам, это Дженис Эйвери.

— Ну что ты!

Он не мог представить, что Дженис плачет на стульчаке.

— У нее одной на кроссовках написано «Уиллард Хьюз». И потом, там столько дыму, хоть маску надевай.

— А ты уверена, что она плачет?

— Уж это я всегда разберу!

Господи, что ж это с ним! От Дженис он видел только беды, а сейчас почувствовал ответственность, словно за лесных волков или китов, выброшенных на сушу, о которых слышал у Бёрков.

— Она не плакала, когда ее ребята дразнили из-за Уилларда.

— Да, я знаю.

Он посмотрел на Лесли.

— Что нам делать?

— Делать? — повторила она. — В каком смысле? Нет, как же ей объяснить?

— Лесли, если бы она была зверем, мы бы должны были ей помочь?

Она странно на него посмотрела.

— Ты же всегда ко мне с этим пристаешь, — сказал он.

— Но это Дженис...

— Если она плачет, что-то не так.

— Что ж ты думаешь делать?

Он покраснел.

— Не могу же я войти в женский сортир.

— А, ясно! Посылаешь меня в акулю пасть. Нет уж, спасибо, мистер Эронс.

— Лесли, честное слово... я бы пошел, если бы мог. — Он искренне так думал. — Ты что, боишься ее?

Он не хотел грубить, он просто удивился, что Лесли чего-то боится.

Она сверкнула глазами и гордо откинула голову.

— Ладно, иду. Только знай, Джесс Эронс, это очень дурацкая мысль!

Он побрел за ней в коридор и спрятался в ближайшей нише, чтобы быть близко, если Дженис ее выгонит.

Дверь за Лесли закрылась. Сперва было тихо, потом Лесли что-то сказала, а уж потом хлынули вопли и рыдания. Слава богу, рыдала не Лесли, но говорили обе разом, пока не прозвенел звонок.

Никак нельзя, чтобы тебя застали перед женским сортиром, но можно ли уйти, покинуть линию огня? К счастью, поток ребят подхватил его, все бежали вниз. Он еще слышал плач и крики.

У себя, в пятом классе, он стал смотреть на дверь, ждать Лесли. Ему казалось, что она войдет еле живая, как койот в фильме, но она улыбалась, и вроде бы ее никто не бил. Протанцевав к миссис Майерс, она тихо извинилась за опоздание, а та одарила ее улыбкой «Особая, для Лесли».

Как же узнать, что случилось? Если послать записку, ее прочтут. Лесли сидела спереди, сбоку, там не было ни корзинки, ни точилки для карандашей, так что и предлога не найдешь пройти мимо. На него она не глядела, это уж точно. Сидела прямо, и вид у нее был довольный, как у мотоциклиста, взявшего четырнадцать препятствий.

После уроков она направилась к автобусу, и Дженис ей криво улыбнулась, пробираясь на задние места, а Лесли взглянула на Джесса, как бы говоря: «Видал?» Он буквально с ума сходил от любопытства, но она ничего не сказала и в пути, только взглянула на Мэй Белл, словно намекая: «Не при детях!»

Когда уже совсем стемнело, она наконец снизошла к нему.

— Знаешь, чего она плакала?

— Откуда мне знать? Господи, да скажи ты! Что там у вас творилось?

— Она очень несчастная, понимаешь?

— Да чего она ревела?!

— Это очень сложно. Теперь я знаю, почему ей нелегко с людьми.

— Говори, а то я лопну!

— Ты слышал, что отец ее бьет?

— Кого только не бьют! Ты скажешь или нет?

— По-настоящему избил, как в тюрьме, — она покачала головой, — ты представить не можешь.

— Она поэтому и плакала?

— Что ты! Она привыкла. Из-за этого она бы в школе плакать не стала.

— Так чего ж тогда?

— Понимаешь...

(Господи, вечно она так, всю душу вытянет.)

...сегодня она так озверела, что рассказала своим подружкам.

— Вот это да! — охнул он.

— А эти... эти... — она тщетно искала слово, — девицы растрепали всему классу.

Ему стало страшно жалко Дженис.

— Даже училка знает.

— Да...

В школе было правило, куда важнее директорских: домашние дразги не рассказывают. Если родители бедны, или злы, или необразованны, хуже того — если они не хотят купить телик, дети обязаны защищать их. Завтра вся школа будет измываться над папашей Эйвери. Да, у многих отцы в психушке, а у кого и в тюрьме. Но они своих покрывают, а Дженис — выдала.

— И знаешь, что еще?

— Ну?

— Я ей рассказала, как все смеялись, что у нас нет телика. Кто-кто, а я понимаю, как это больно, когда тебя считают придурком.

— А она?

— Она мне поверила. Даже спросила совета.

— А ты?

— Я ей посоветовала притвориться, что Вильма и Бобби врут. Тогда все забудут через неделю. — Лесли взволнованно наклонилась вперед. — Как ты думаешь, я правильно сказала?

— Откуда же мне знать? Ей стало легче?

— Кажется, да. Вроде бы куда легче.

— Значит, правильно.

Она откинулась на спинку сиденья, явно радуясь.

— Слушай, Джесс!

— Да?

— Спасибо тебе. Теперь у меня в школе полтора друга.

Значит, ей так нужны друзья? Ему стало неприятно. Когда она поймет, что они того не стоят?

— У тебя их гораздо больше.

— Не-а. Ровно полтора. Драконья Глотка не в счет.

Чувства бурлили в нем, как рагу в казанке, — жалость к ней, такой одинокой, и радость, что о ней целый друг, как и она ему. Ничего не поделаешь, приятно.

Когда, ложась в постель, он тихо тушил свет, чтоб не разбудить сестриц, Мэй Белл, к его удивлению, пропищала:

— Джесс!

— Ты еще не спишь?

— Джесс, я знаю, куда вы с Лесли ходите.

— В каком смысле?

— Я за вами следила.

Он перескочил к ее кровати.

— Да как ты смеешь!

Он схватил ее за плечи и потряхнул, чтобы она смотрела прямо на него. Она заморгала, как спугнутый цыпленок.

— Слушай, ты! — яростно прошипел он. — Поймаю — прощайся с жизнью.

— Ладно-ладно. — Она юркнула в постель. — То же нашелся! Я маме скажу.

— Мэй Белл! Никакой ты маме не скажешь! Ясно? Она засопела.

Он снова схватил ее за плечи, в полном отчаянии.

— Я всерьез! Ни-ко-му, ясно? — Он отпустил ее. — Значит, за мной не следишь, маме не стучишь, так?

— А почему?

— А потому, что я скажу Билли Эдвардсу, как ты прудишь в постель.

— Ой, нет!

Он заставил ее поклясться на Библии, а потом долго не мог заснуть.

Как доверить самое важное какой-то наглой малявке? Ему казалось, что жизнь вроде одуванчика. Дунет откуда-то ветер — и все, нету.

Глава восьмая

ПАСХА

Приближалась Пасха, но по ночам еще было холодно-вато, и Мисс Бесси редко выпускали. Кроме того, часто шел дождь, весь март он так и лил. Впервые за много лет в русле была вода, не жалкая струйка, а очень много — когда через него перелетали, если взглянуть вниз, немного кружилась голова. Джесс сажал Териана за пазуху, но щенок рос так быстро, что мог ненароком расстегнуть молнию и вывалиться в речку.

Элли и Бренда уже препирались о том, что наденут на Пасху. Три года назад мать поругалась с про-

поведником, и теперь они ходили в церковь раз в год, зато готовились как следует. Мать вечно жаловалась на бедность, но не жалела выдумки и денег, чтобы ее семья выглядела не хуже других. Однако в этот раз, когда она собралась идти по лавкам, отец приехал из Вашингтона раньше времени, его сократили, и о новых платьях не могло быть и речи.

Элли с Брендой взревели, как пожарные машины.

— Не пойду я никуда! — кричала Бренда. — Надеть нечего!

— Разжирела, ничего и не лезет, — пробормотала Мэй Белл.

— Ты слыхала, мам? Я ее сейчас убью!

— Заткнись! — резко сказала мать. — Нам есть о чем подумать, кроме платьев.

Отец шумно встал, подошел к плите и налил себе черного кофе.

— А почему не купим в кредит? — заныла Элли.

— Знаешь, что люди делают? — взорвалась Бренда. — Возьмут в кредит, поносят и отдают обратно, не подошло им! И платить не надо.

Отец буквально взвыл:

— Нет, такой ерунды в жизни не слыхивал! Ты что, не поняла, мать сказала: «Заткнись!»

Бренда умолкла, но громко жевала резинку, показывая, что не сдалась.

Джесс был рад убежать к тихой Мисс Бесси. Вскоре в сарай постучались.

— Джесс?

— Лесли! Заходи, заходи.

Она сперва заглянула, потом вошла и села на пол, рядом со скамеечкой.

— Что нового?

— Ой, и не спрашивай! — Он мерно доил, слушая, как звенят о ведро струйки молока.

— Так все плохо?

— Отца уволили, Бренда с Элли бушуют, нельзя купить новые платья.

— Жалость какая! То есть отца твоего жаль.

Джесс улыбнулся:

— Да уж, не сестриц. Уж из чего-нибудь платья сляпают. Посмотрела бы ты, как они выкомариваются в церкви!

— Я не знала, что вы туда ходите.

— Только на Пасху. — Он смотрел на теплое вымя. — Наверное, ты считаешь, что это глупо.

Она минутку помолчала.

— Нет, мне хотелось бы пойти.

Он перестал доить.

— Ну, я никогда не была в церкви. Увидела бы что-то новое.

Он снова взялся за дело.

— Тебе бы совсем не понравилось.

— Почему?

— Тоска зеленая.

— Вот я б сама и посмотрела. Как ты думаешь, твои родители разрешат мне с вами пойти?

— Туда в штанах нельзя.

— У меня есть платье.

Вот тебе на! Вечно с ней удивляешься.

— Эй! — сказал он. — Открой-ка рот.

— Зачем?

— Открой, и все.

Как ни странно, она послушалась. Он прыснул ей струю молока.

— Джесс! — пробормотала она, и по подбородку потекли струйки. — Ну что это ты зря молоко тра-тишь.

Она засмеялась, давясь и кашляя.

— Умел бы я так мяч забрасывать! Давай еще раз.

Лесли перестала смеяться, закрыла глаза и серьезно открыла рот. Но теперь смеялся Джесс, и ничего не получилось.

— Ой, кретин! Прямо в ухо. — Лесли приподняла плечо и вытерла ухо майкой, а потом опять засмеялась.

— Кончишь доить, иди домой, — сказал отец, стоя в дверях.

— Я лучше уйду, — спокойно сказала Лесли и направилась к выходу. — Простите.

Отец отодвинулся, пропуская ее. Джесс подо-ждал, не скажет ли он еще чего-нибудь, не дождался и вышел.

Там, дома, Элли говорила, что пойдет, если мать разрешит ей надеть прозрачную блузку, а Бренда соглашалась хотя бы на новую юбку. В конце концов все, кроме отца и Джесса, что-то получили. Им это

было все равно, однако Джесс решил извлечь из ситуации пользу.

— Раз у меня ничего нет, можно, Лесли пойдет с нами в церковь?

— Эта девица? — Он так и видел, как мать ищет предлога отказать ему. — Она одета бог знает как!

— Ма-ам! — возопил он, капризно, как Элли. — Да у нее куча платьев, просто куча!

Мать закусил губу, как Джойс Энн, лицо ее совсем осунулось, и она еле слышно проговорила:

— Я не хочу, чтобы перед моей семьей задирали нос.

Он чуть не обнял ее, как обнимал Мэй Белл, когда та нуждалась в утешении.

— Ничего она не задирает! — сказал он. — Ну честное слово!

Мать вздохнула:

— Что ж, если она прилично оденется...

Лесли оделась прилично. Она пригладила волосы, надела синий джемпер и блузку в старомодный цветочек. Гольфы были красные, но туфли — кожаные, блестящие, Джесс никогда их не видел, потому что она, как и все здешние дети, ходила в кроссовках. Даже держалась она чинно, не смеялась, не шутила, отвечала матери: «Да, мэм» и «Нет, мэм», словно поняла, как та боится унижения. Джесс знал, что ей нелегко, ведь она в жизни не сказала «мэм».

Бренда и Элли, напротив, расфуфырились, как попугаи. Они настояли на том, чтобы ехать впереди, что было нелегко при Брендином объеме. Джесс, Лесли и младшие девочки с удовольствием полезли в кузов и сидели на каких-то мешках.

Солнце не сияло, но и дождя наконец не было, так что они весело пели «О господи, что за утро!», «Прекрасны луга» и «Пой песню, пой!», которые разучили с мисс Эдмундс, а для Джойс Энн — «Бим-бом, бим-бим-бом!». Ветер далеко разносил голоса, мелодии обретали таинственность, и Джессу казалось, что ему подвластны убегающие назад холмы. Доехали до церкви быстро, Джойс Энн даже расплакалась, потому что они только начали песню про Санта-Клауса, которую она любила почти так же, как «Бим-бим-бом». Джессу удалось ее развеселить, и, когда они вылезли из кузова у задней калитки, все четверо снова раскраснелись и очень радовались.

Они немного опоздали. Старшим девочкам это было на руку, они понимали, что, пробираясь к первым рядам, будут вызывать немалую зависть. (*Нет, какие же они противные!*) Мать еще смущалась из-за Лесли. Джесс пригнулся и юркнул на скамью вслед за какими-то женщинами, прямо перед отцом.

В церкви было как всегда. Джесс легко мог отключиться, как отключался в школе, когда вставал и садился вместе со всеми, не то чтобы думая о другом, скорее — вообще не думая, а где-то витая, но чувствуя себя свободным.

Раза два он заметил, что стоит, а вокруг громко, нестройно поют. Краем сознания он понимал, что поет и Лесли, но не совсем понял, ей-то зачем стараться.

У обоих проповедников были обычные их голоса — зудит-зудит, прямо укачивает, и вдруг ка-ак крикнет! Джесс всякий раз подскакивал, а потом минуты две приходил в себя. Слов он не слушал, а красные распаренные лица казались неуместными в солидном святилище. Проповедники напоминали Бренду, когда она дуется на Джойс, которая берет ее помаду.

Старшие сестры никак не уходили из первых рядов. Джесс и Лесли увели вперед маленьких и сели подождать.

— Я так рада, что пришла, — сказала Лесли.

Он недоверчиво к ней обернулся.

— Нет, правда! Лучше кино.

— Ты шутишь?

— Что ты!

Она и впрямь не шутила, судя по лицу:

— Про Иисуса как интересно!

— Это почему?

— Они его хотят убить, а Он им ничего не сделал. — Она немного смутилась. — Такая прекрасная история... как про Линкольна, или Сократа... или про Аслана.

— Она не прекрасная, — вмешалась Мэй Белл. — Она ужасная. Гвозди в руки вбили, это ж подумать!

— Мэй Белл права, — сказал Джесс, спускаясь в самую глубь своей души. — Иисус умер, потому что мы очень грешные.

— Ты думаешь, это правда?

Он был поражен.

— Лесли, так в Библии написано!

Она посмотрела на него, словно хотела поспорить, но передумала.

— Очень странно, правда? — Она покачала головой. — Тебе надо в это верить, и тебе это не нравится. Мне не надо, и мне это кажется прекрасным. — Она опять покачала головой. — Да, странно.

Мэй Белл уставилась на Лесли, как на странного зверя.

— В Библию надо верить, — сообщила она.

— Почему?

Вопрос был искренний, Лесли не смеялась.

— А потому, — отвечала Мэй Белл, буквально вылупив глаза. — Если ты не веришь, Бог тебя загонит в ад.

— Где она такое слышала? — спросила Лесли, словно обвиняла в чем-то Джесса. От голоса ее и слов ему стало стыдно и жарко. Он опустил глаза и принялся теревить джутовые волокна мешка.

— Правильно, да? — визгливо сказала Мэй Белл. — Загонит, если в Библию не веришь?

Джесс отбросил волосы и пробормотал:

— Да уж...

— Не верю, — сказала Лесли. — Ты, наверное, и Библии не читал.

— Не всю, но читал, — ответил он, все еще теребя мешок. — У нас, можно сказать, других книг и нет.

Он посмотрел на Лесли и несмело улыбнулся.

Улыбнулась и она.

— Ладно. Я все равно не думаю, что Бог загоняет в ад.

Они улыбались друг другу, не обращая внимания на испуганный голосок.

— Лесли! — не отставала Мэй Белл. — А если ты *умрешь*? Что тогда будет?

Глава девятая

ЗЛЫЕ ЧАРЫ

В понедельник дождь заладил всерьез, словно стихии стоворились уничтожить самые короткие каникулы. Джесс и Лесли сидели, скрестив ноги, на приступочке старого дома и смотрели, как проезжий грузовик поднимает фонтаны грязи.

— Он и пятидесяти пяти миль не делает, — пробурчал Джесс.

Вдруг что-то вылетело из окошка. Лесли вскочила и заорала вслед машине:

— Мусор выбросил!

Джесс тоже поднялся.

— Чего ты хочешь?

— Попасть в Терабитию, вот чего, — сказала она, печально глядя на дождь.

— Ах ты! Ну что ж, пошли, — отвечал он.

— Пошли, — оживилась она, взяла плащ, сапоги и осмотрела зонтик.

— Как ты думаешь, зонтика хватит?

Он покачал головой:

— Не-а.

— Давай зайдем к тебе и возьмем всякие вещи. Ну, сапоги, там...

Он пожал плечами:

— У меня ничего нет. Я лучше так пойду.

— Сейчас я дам тебе папин плащ. — Она пошла в дом.

Тут появилась Джуди.

— Что это вы затеяли?

Точно то же самое могла сказать и его мать, но по-другому. Глядела Джуди неведомо куда, голос у нее был такой, словно где-то говорит радио.

— Мы не хотели тебе мешать!

— Ничего, я совсем замotalась. Пора и отдохнуть. Вы ели?

— Да, Джуди. Мы и сами можем прокормиться.

Джуди немного сосредоточилась.

— А ты в сапогах.

Лесли взглянула себе на ноги.

— Да! — сказала она, словно только что это заметила. — Мы собирались пройтись.

— Дождь опять идет?

— Ага.

— Я любила гулять под дождем. — Джуди улыбнулась так, как улыбалась во сне Мэй Белл. — Что ж, если не боитесь...

— Ну что ты!

— А Билл вернулся?

— Нет. Он сказал, что поздно придет. Просил не беспокоиться.

— Хорошо, — сказала она. — А, кстати! — Глаза у нее расширились. — Да-да! — Она кинулась к себе, и тут же застрекотала машинка.

— Размоталась, — сказала, улыбаясь, Лесли.

Он попытался представить, что твоя собственная мать выдумывает всякие истории, а не смотрит целый день сериалы по телику, и пошел за Лесли в переднюю, где она вынимала из шкафа вещи. Ему она нашла бежевый плащ и смешную круглую шляпу, ворсистую и черную.

— Сапог нет. — Голос ее заглушали висящие в шкафу пальто. — Клумпы не хочешь?

— Что-что?

Она высунула из шкафа голову.

— Ну, сабо. Такие подошвы.

Она их вынула. На вид они были как корабли.

— Да я их утоплю, — сказал он. — Пойду босиком.

— Ладно, — сказала она, вылезая из шкафа. — И я тоже, за компанию.

Ногам было холодно, даже больно, и они бежали, шлепая по грязи и лужам. Принц скакал впереди, словно рыба, перелетающая из одного бурого моря в другое, а иногда возвращался, чтобы гнать их побыстрее, покусывая за пятки и брызгая грязью на без того забрызганные джинсы.

Когда они добрались до речки, то застыли на месте. Вид был просто поразительный, как в «Десяти заповедях» по телику, когда Моисей проложил путь через море, а потом туда хлынула вода, чтобы смыть египтян. По старому высохшему руслу неслись бурные воды, вращая, как египетские колесницы, огромные сучья, бревна, всякую дрянь. Ненасытный поток слизывал все, а то и выплескивался на берег, пытаясь его пожрать.

— Вот это да! — почтительно сказала Лесли.

— Ну-у! — Джесс посмотрел на веревку, еще прикрученную к ветке, и у него похолодело под ложечкой. — Может, сегодня не пойдем?

— Пошли, Джесс. Мы переберемся.

Капюшон у нее упал, волосы прилипли ко лбу. Она потерла щеки и глаза, потом раскрутила веревку, а левой рукой расстегнула верх плаща.

— Сюда, — сказала она. — Сунь его ко мне за пазуху.

— Он вывалится снизу, — сказал Джесс.

Она нетерпеливо тряхнула головой, и, схватив щенка, Джесс сунул его задом в пещерку пазухи.

— Держи его за попку левой рукой, а правой — качай. Ну, сама знаешь.

— Знаю, знаю.

Она отступила, чтобы взять старт.

— Держись!

— А ну тебя!

Он замолчал. Он охотно закрыл бы глаза, но заставил себя смотреть, как она отбегает назад, бежит вперед, к берегу, прыгает, летит и грациозно приземляется на той стороне.

— Лови!

Он протянул руку, но смотрел на Лесли со щенком, а не на веревку и не поймал ее, она повисла довольно далеко. Однако он прыгнул, схватил ее и, стараясь не слышать и не видеть потока, побежал сперва назад, потом вперед. Холодная вода ожгла ему пятки, но он тут же взвился в воздух и неуклюже плюхнулся на землю. Принц кинулся к нему, пятная лапами светлый плащ, и вылизал ему лицо шершавым, как наждак, языком. Лесли сияла.

— Встань, — проговорила она, сдерживая смех, — встань, король Терабитии. Нас ждет наше королевство.

Король засопел и утерся тыльной стороной руки.

— Уберешь эту собаку, встану, — с достоинством ответил он.

Они побывали в Терабитии во вторник и в среду. Дождь все лил, к пятнице поток дошел до веток старой яблони, и, чтобы лететь в свое королевство, они

бежали по щиколотку в воде. Джесс старался приземлиться не на задницу, а на ноги. Ходить целый час в холодных, мокрых штанах не так уж приятно даже в волшебной стране.

Чем выше была вода, тем больше он боялся, но Лесли прыгала смело, и он не мог сдаться. Тело он прыгать вынуждал, а вот душа все равно вцеплялась в яблоню, как Джойс Энн в мамину юбку.

В пятницу, когда они сидели в замке, хлынул такой ливень, что ледяная вода проникла сквозь крышу. Джесс пытался увернуться от самых холодных струй, но это ему не удавалось.

— Ведомо ли тебе, о чем я помышляю, король? — сказала Лесли, выплескивая кофе из банки и ставя ее под самую толстую струю.

— Нет, не ведомо.

— Быть может, наше королевство — под властью злых чар.

— Наверное, бюро погоды напустило, — сказал он, но увидел в полумраке, что Лесли смотрит совсем по-королевски. Такое выражение лица она прибегала для сраженных врагов. Шутить она сейчас не хотела, и он мгновенно раскаялся.

Она, однако, продолжала, как бы не слыша его слов:

— Пойдем же в священную рощу, спросим духов, что это за чары и как победить их. Мнится мне, что не простой дождь льет на наше королевство.

— Верно, королева, — пробормотал Джесс и выполз из низких воротец.

Под соснами не так лило, но и солнца не было, царил густой полумрак, а шум дождя в колючих ветках наполнял рощу странной, монотонной музыкой. У Джесса совсем свело желудок от страха, словно он наелся непропеченного теста.

Лесли подняла лицо и руки к темно-зеленому навесу.

— О духи рощи! — торжественно сказала она. — Мы пришли к вам во имя нашего возлюбленного королевства, которое сковали неведомые чары. Молим вас, дайте нам мудрость, чтобы различить это зло, и силу, чтоб его одолеть!

И она подтолкнула локтем Джесса. Он тоже поднял руки.

— Это... ну... — Локоть ткнул его снова. — Э... Да... Пожалуйста, духи! Что вам стоит?

Лесли вроде бы это устроило; во всяком случае, она его больше не толкала, а просто стояла и тихо что-то слушала. Сам он дрожал то ли от холода, то ли от чего еще и обрадовался, когда они пошли обратно. Думать он мог только о сухой одежде и о горячем кофе да, может, еще о том, чтобы посидеть час-другой перед теликом. В короли Терабитии он, без сомнения, не годился. Ну какой король испугается темных деревьев и капельки воды?

Через реку он перелетел настолько недовольный собой, что забыл о страхе. На полпути он взглянул

вниз и показал потоку язык. «Нам не страшен серый волк, тра-ля-ля, тра-ля-ля!» — тихо пропел он и поскорей взглянул вверх, на яблоню.

Взбираясь по грязи и прибитой траве, он ступал как можно тверже, диктуя ногам: «Топ-топ... где топ? Так-так, в речке рак. Шаг, шаг... еще шаг».

Тут Лесли спросила:

— Может, переоденемся и посмотрим у вас телевизор?

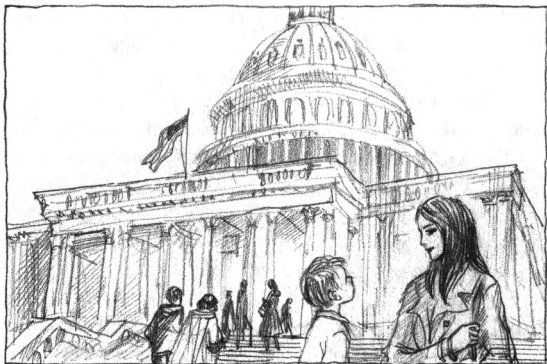
Он чуть не обнял ее и весело крикнул:

— Я сварю кофе!

— Ладно, — улыбнулась она и помчалась к дому Перкинсов своим красивым, легким бегом, который не портили ни ливень, ни грязь.

Вечером, когда Джесс ложился, ему казалось, что теперь он отдохнет, все исправится. Но посреди ночи он проснулся и с ужасом понял, что дождь еще льет. Это он должен был предложить ей, чтобы они пошли в Терабитию. В конце концов, она ему так сказала, когда работала с Биллом, и он ни о чем ее не спросил. Нет, он не боялся открыть ей, что ему страшно, — он боялся испугаться, словно в нем не хватало какого-то куска, как в этой игре Мэй Белл, где все сложишь, а глаза или челюсти нет. Да лучше без руки родиться, чем без храбрости! Он так и не уснул до утра. Лежал, слушал этот дождь и знал — сколько б там воды ни было, Лесли непременно захочет перелететь через речку.

Глава десятая САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ

Он услышал, что отец заводит пикап. Ехать было некуда, его сократили, но он все-таки наведывался каждый день посмотреть, нет ли какой работы. Иногда он болтался с утра до вечера около бюро по найму, а если повезет, его даже брали разгрузить мебель или убрать где-нибудь мусор.

Сейчас Джесс не спал и мог бы встать. Он мог бы подоить Мисс Бесси и хоть с этим разделаться. Фуфайку и комбинезон он натянул прямо на белье, в котором спал.

- Ты куда?
- Спи, Мэй Белл.
- Не могу, дождь шумит.
- Ну, тогда вставай.
- Чего ты сердишься?
- Да заткнись ты! Орешь, всех перебудила.

Тут Джойс Энн возопила бы, но сестра скорчила ей рожу.

— Да ладно, — сказал Джесс. — Я иду доить Мисс Бесси. Может, посмотрим потом картинки, только тихо.

Мэй Белл была такая же тощая, как Бренда — жирная. Она стояла посреди комнаты в одном белье — бледная гусиная кожа, заспанные глаза, серовато-русые волосы, словно беличье гнездо на зимней ветке. «Таких уродок поискать!» — подумал он, глядя на нее с искренней нежностью.

Она швырнула в него свои джинсы.

— А я маме скажу!

Он швырнул их обратно.

— Чего скажешь-то?

— Как ты на меня глазеешь, когда я раздетая.

О господи! Значит, вон ей что кажется...

— Да уж, — сказал он, пробираясь к двери так, чтобы она ничем в него не бросила. — Что поделаешь, красotka! Никак не удержаться...

Проходя через кухню, он слышал ее хихиканье.

В сарае стоял знакомый запах Мисс Бесси. Он ласково почмокал, потом поставил скамеечку к боку,

ведро — под пятнистое вымя. По крыше бил дождь, по ведру, в другом ритме, — струйки молока. Ох, только бы дождь кончился! Он прижался лбом к теплomu боку и подумал, бояться ли коровы всерьез, по-настоящему. Да, Мисс Бесси убегает от Принца, но это не то. Щенок может укусить, а когда прямой опасности нет, корова спокойна, довольна, жует себе — и спасибо. Она не смотрит с тоской на старый дом Перкинсов, не встает на цыпочки, сгорая от тревоги.

Он потерял лбом о ее бок и тихо вздохнул. Если летом в речке будет вода, он попросит Лесли, чтобы она поучила его плавать. «Как же это плавают? — подумал он. — Вот схвачу старый страх за шкуру и вытрясу из него душу. Может, научусь плавать с аквалангом. — Он вздрогнул. Да, он родился не очень смелым, но умрет храбрецом. Хорошо бы пойти в медицинский колледж и пересадить себе храбрость. — Нет, доктор, сердце у меня хорошее, мне храбрость нужна. Надо будет рассказать Лесли, она любит такую чепуху. А вообще-то, — он нарушил ритм молочных струек, отводя волосы со лба, — пересадить мне надо мозги. Лесли я знаю. Она не рассердится и не высмеет, если я скажу, что не буду летать через речку. Возьму и скажу: „Лесли, мне сегодня не хочется“. Вот просто так. Куда уж легче! „А почему?“ — „А потому“...»

— Я тебя три раза кричала!

Мэй Белл удалось воссоздать самый мерзкий тон Элли.

— Зачем?

— Тебя какая-то тетка к телефону. Пришлось одеться.

Ему никогда никто не звонил. Нет, Лесли один раз звонила, и Бренда долго изгалялась, что ему звонят барышни. Тогда, от греха подальше, они решили, что ей, то есть Лесли, проще к нему забежать, если что.

— Вроде бы мисс Эдмундс.

Это она и была.

— Джесс? — потек ее голос по проводу. — Плохая погода, верно?

— Да, мэм, — только и ответил он, боясь, чтобы она не заметила дрожи в голосе.

— Я думала съездить в Вашингтон, может, зайти в музей и в галерею. Ты не составишь мне компанию?

Его окатил холодный пот.

— Джесс!

Он облизал губы и смахнул со лба волосы.

— Ты меня слышишь?

— Да, мэм.

Он набрал воздуха, чтобы говорить хоть как-то.

— Хочешь со мной поехать?

Ой, господи!

— Да, ммм...

— Ты должен спросить разрешения?

— Да... да-м... м... — Ему удалось запутаться в проводе. — Сейчас, минутку.

Он выпутался, тихо поставил телефон и пошел на цыпочках к родителям. Из-за белой простыни каза-

лось, что у матери горб. Он тронул ее за плечо как мог осторожней и прошептал: «Мам!» Ему бы хотелось спросить ее, но не будить. Если она толком подумает, она, скорей всего, не пустит.

Она дернулась, но не совсем проснулась.

— Учительница хочет взять меня в Вашингтон, — сказал он. — В Национальный музей.

— Вашингтон, — пробормотала она.

— Ага. Это для школы. — Он погладил ее по плечу. — Я не очень поздно вернусь. Можно?

Она что-то проурчала.

— Ты не волнуйся. Я Бесси подоил.

Снова поурчав, она натянула простыню на ухо и перевернулась на живот. Джесс тихо пошел к телефону.

— Хорошо, мисс Эдмундс. Я поеду.

— Прекрасно. Подхватчу тебя минут через двадцать. Как до вас добираются?

Завидев ее машину, он кинулся из кухни под дождь и встретил ее на полпути. Мать сможет узнать все подробней у Мэй Белл, когда он давно уедет. К счастью, Мэй Белл уткнулась в телик. Он не хотел, чтобы она кого-нибудь будила, пока он дома, и даже в машине боялся обернуться — а вдруг мать бежит за ним?

Они уже проехали Миллсбург, когда ему пришло в голову, что можно было спросить, не взять ли еще и Лесли. Однако, подумав об этом, он не смог по-

давить приятное, хоть и тайное чувство — они одни в уютной машине. Мисс Эдмундс ехала быстро, глядя вперед, держа баранку обеими руками. Шины шуршали, ветровые стекла дребезжали в радостном ритме. В машине было тепло и пахло духами. Джесс зажал между коленями руки, прочно пристегнувшись ремнем.

— Ну и дождь! — сказала мисс Эдмундс. — Я чуть с ума не сошла.

— Да... м... м... — в восторге выговорил он.

— И ты тоже, да? — Она ему быстро улыбнулась.

У него голова кружилась, все ж они сидели рядом, но он кивнул.

— Ты был в Национальной галерее?

— Нет, мэм.

Он вообще не бывал в Вашингтоне, но надеялся, что она не спросит. Она опять улыбнулась.

— И ни в каких музеях не был?

— Нет, мэм.

— Прекрасно, — сказала она. — Значит, не зря я живу.

Он не понял, но не огорчился. Ей с ним хорошо — и ладно.

Даже сквозь дождь он различал то, что видел в книгах, — Арлингтон на высоком холме, мост, двойной разворот, так что он смог посмотреть, как Линкольн глядит на город, Белый дом, памятник Вашингтону, а там — и Капитолий. Лесли все это виде-

ла тысячи раз. Она даже училась вместе с девочкой, у которой отец в конгрессе. Надо будет сказать мисс Эдмундс, что Лесли хорошо знакома с конгрессменом. Лесли ей всегда нравилась.

Музей был вроде сосновой рощи — высокие своды, прохлада воды, повсюду зелень. Двое детишек вырвались от матерей и носились, громко вопя. Джесс с трудом удержался от того, чтобы не схватить их и не сказать, как надо вести себя в святилище.

Потом пошли картины, зал за залом. Его опьяняли цвета, и формы, и размеры, не говоря уж о голосе и запахе мисс Эдмундс, которая все время шла рядом, то и дело склоняясь к его лицу, чтобы что-то спросить или объяснить. Черные волосы падали ей на плечи. Мужчины смотрели на нее, а не на картины и, наверное, ему завидовали.

Перекусили они в кафе. Когда она предложила поесть, он испугался, у него ведь не было денег, и он не знал, как ей сказать, но все обошлось. Раньше чем он хоть что-то придумал, она произнесла:

— И никаких споров. Я приглашаю, я и плачу. Свободная женщина!

Он не сумел выкрутиться и съел на целых три доллара, обещая себе, что завтра обсудит с Лесли, что надо было делать.

Потом они пошли в Смитсоновский музей посмотреть динозавров и индейцев. Там был большой макет — индейцы в бизоньих шкурах гонят бизонов на утес, за которым другие индейцы поджидают бедных

зверей, чтобы убить и ободрать. Примерно то же самое рисовал он сам, но в трех измерениях получалось уж очень страшно. Однако, содрогнувшись, он ощутил какое-то родство с этим ужасом.

— Замечательно, да? — спросила мисс Эдмундс, задевая волосами его щеку.

Он потрогал щеку, проурчал: «Да, мэм», подумал про себя: «Нет, мне это не нравится», но оторвался с трудом.

Когда они вышли, сияло и сверкало солнце. Джесс даже поморгал.

— Какое чудо! — воскликнула мисс Эдмундс. — Солнце! А я уж думала, оно навсегда ушло в пещеру, как в японском мифе.

Ему снова полегчало. Весь путь домой, в сиянии солнца, мисс Эдмундс очень смешно рассказывала, что она целый год ходила в школу в Японии. Мальчики там были мельче ее, и она не знала, как пользоваться японским туалетом.

Он совсем пришел в себя. На завтра есть столько рассказов и вопросов для Лесли! Не важно, сердится ли мать, как-нибудь справится. Дело того стоит. Самый лучший день его жизни стоит чего угодно.

Незадолго до Перкинсова дома он сказал:

— Не сворачивайте, мисс Эдмундс, я выйду на шоссе. А то грязи много.

— Хорошо, — согласилась она. — Спасибо тебе за прекрасный день.

Заходящее солнце плясало на ветровом стекле, мешая смотреть. Он обернулся к мисс Эдмундс и взглянул ей прямо в лицо.

— Не за что, мэм. — Голос у него был чужой, писклявый. Он откашлялся. — Это вам спасибо. Я... — Ему хотелось поблагодарить ее как следует, но слова не шли. Уж точно придут потом, в постели или в замке! — Я... — Он открыл дверцу и вышел. — До свиданья. До пятницы.

Она улыбнулась и кивнула:

— Пока.

Он смотрел вслед машине, пока та не скрылась, потом со всех ног кинулся к дому, такой счастливый, что не удивился бы, если бы полетел, как во сне, и опустился на крышу.

Уже у самой кухни он заметил беспорядок. Отцовский пикап стоял у дверей, но он прошел мимо и всполошился только тогда, когда увидел, что все собрались вместе, родители и младшие девочки — за кухонным столом, Элли с Брендой — на кушетке. Они не ели, на столе не было еды. Они не смотрели телевизор, он был выключен. Джесс постоял немного, глядя на них.

Вдруг мать запричитала: «Господи, господи!» — уткнувшись головой в руки. Отец неуклюже обнял ее, но не отвел глаз от сына.

— Говорила я, он куда-то пошел! — упрямо и спокойно сказала Мэй Белл, словно и впрямь повторяла это много раз, а ей никто не верил.

Он скосил взгляд, словно хотел заглянуть в темную трубу. Он даже не знал, о чем спросить их.

— А что такое... — начал он.

И тут раздался капризный голос Бренды:

— Твоя девица умерла. Мама думала, ты тоже умер.

Глава одиннадцатая

НЕТ!

В голове у него что-то завертелось. Он открыл рот, но во рту пересохло, и сказать ничего не удалось. Оглядывая лица, он просил у каждого помощи.

Наконец заговорил отец, глядя на свою большую грубую руку, которой он гладил жену по голове:

— Ее сегодня утром нашли там, в речке.

— Нет, — сказал Джесс, обретя голос. — Лесли утонуть не может. Она хорошо плавает.

— Эта ваша веревка оборвалась, — неумолимо и спокойно продолжал отец. — Должно быть, она разбила обо что-то голову.

— Нет, — повторил Джесс. — Нет.

Отец посмотрел на него:

— Мне правда очень жаль, сынок.

— Нет! — Джесс уже кричал. — Не верю! Ты врешь!

Он дико оглянулся, как бы ища подтверждения. Но все смотрели вниз, кроме Мэй Белл, у которой глаза вылезли от ужаса, — вот Лесли и умерла!

— Нет, — сказал он ей. — Это неправда. Лесли жива.

И выбежал на улицу, громко хлопнув дверью. Он понесся по гравию к шоссе, а там побежал на запад от Вашингтона и Миллсбурга... и Перкинсова дома. Машина, ехавшая навстречу, побибикала, вильнула, побибикала еще, но он ничего не слышал.

«Умерла»... «твоя девица»... «веревка оборвалась»... «разбила голову»... Слова лопались в голове, как зерна кукурузы. Он бежал, спотыкался, но не останавливался, чувствуя, что только этот бег как-то удерживает ее от смерти. Все зависит от него. Надо бежать.

За ним тархтел пикап, но обернуться он не мог. Когда он попробовал бежать быстрее, отец обогнал его, выскочил, кинулся к нему и подхватил на руки, как ребенка. Сперва он брыкался и лягался, потом затих в сильных руках и погрузился в оцепенение, которое гудело в голове, пытаясь вырваться наружу.

Привалившись к дверце пикапа, он стукался виском о стекло. Отец вел ровно и молчал, только один

раз кашлянул, словно хотел что-то сказать, но только взглянул на сына.

Когда они вернулись домой, отец не двинулся, и Джесс почувствовал, что он колеблется, так что сам распахнул дверцу, вылез и в оцепенении пошел к себе, а там лег на постель.

Проснулся он внезапно, в тишине и темноте, напуган, присел, весь дрожа, хотя был одет и обут. Видимо, ему что-то приснилось, но он забыл, что именно, помнил только ощущение страха. В окне без занавесок висела как-то боком луна, вокруг нее танцевали сотни звезд.

Он подумал, что кто-то сказал ему о смерти там, в страшном сне. Умереть она не могла, как и он. Однако слова неприятно шевелились в уме, как листья под холодным ветром. Если он встанет и постучится в тот дом.

Лесли откроет, и Принц будет плясать вокруг ее ног, как звезды вокруг луны. Ночь была хорошая, ясная. Может быть, по холму, по полям они побегут к речке и перелетят в Терабитию.

Они не бывали там в темноте. Но сейчас, при луне, нетрудно добраться до замка, где он и расскажет про Вашингтон. Да, и попросит прощения. Так глупо, что он не предложил ее взять! Втроем они провели бы замечательный день — не точно такой, конечно, но тоже очень хороший. Мисс Эдмундс и Лесли нравились друг другу. Хорошо бы взять Лесли! «Ты уж

прости». Он снял куртку и туфли, залез под одеяло. «Очень глупо, что я про тебя не вспомнил».

«Да ладно! — скажет она. — Я тысячи раз там бывала».

«А видела охоту на бизонов?»

Окажется, что не видела, и он ей расскажет, как маленькие бизоны неслись к своей гибели.

Вдруг у него похолодело под ложечкой. Это было связано с охотой, с падением, со смертью. И с тем, почему он забыл спросить Лесли, поедет ли она в столицу.

«А знаешь, что странно?»

«Нет, не знаю».

«Сегодня утром я боялся идти в Терабитию».

Похолодело уже и в груди. Он перевернулся, лег ничком. Наверное, лучше сейчас не думать о Лесли. Утром он сразу пойдет к ней, первым делом, и все объяснит. Когда светло, объяснять легче, уже кошмар не давит.

Он постарался вспомнить поездку, подробности картин и статуй, голос мисс Эдмундс, его слова, ее ответы. Вдруг краем разума он ощутил какое-то падение, но вытолкнул это чувство картиной или беседой. Завтра надо будет рассказать все Лесли.

Сразу вслед за этим он увидел, что в окно светит солнце. У девочек на постели лежали только смятые одеяльца, на кухне кто-то двигался и разговаривал.

Ой, господи! Бедная Мисс Бесси, совсем о ней забыл, а уже поздно. Он сунул ноги в кроссовки, не расправляя пяток и не зашнуровывая.

Мать быстро подняла взгляд от плиты, что-то хотела спросить, но только кивнула.

Его опять зазнобило.

— Я забыл про Мисс Бесси.

— Отец ее доит.

— И вечером тоже забыл.

Она все кивала.

— Отец подоил, не беспокойся. — Голос был мягкий, не упрек. — Завтракать можешь?

Наверное, поэтому подводит живот. Он не ел с тех пор, как в Миллсбурге, по дороге домой, мисс Эдмундс купила мороженое. Старшие девочки смотрели на него, сидя за столом. Младшие оторвались от мультиков и повернулись к нему. Он сел на скамейку. Мать поставила перед ним полную тарелку оладий. Он и не помнил, когда она последний раз их делала. Что ж, он полил их сиропом, начал есть. Красота, а не оладьи.

— А тебе хоть бы что! — сказала Бренда через стол.

Он удивленно взглянул на нее, не переставая жевать.

— Если бы умер Джимми Дикс, я б ни кусочка не съела.

Холод овладел им и выхлестнул наружу.

— Ты заткнешься или нет? — крикнула мать, занеся штуку, которой переворачивала оладьи.

— Да, мам! Он сидит ест, как будто ничего не случилось. Я бы все глаза выплакала!

Элли посмотрела сперва на мать, потом на Бренду.

— Мальчики от горя не плачут. Да, мам?

— Все равно, чего он сидит жует, как свинтус?

— Бренда, я кому сказала? Если ты не заткнешься...

Он их слышал, но они были дальше, чем воспоминание о страшном сне. Он жевал и глотал, а когда мать положила ему еще три оладьи, съел их.

Пришел отец, медленно перелил молоко в кувшины из-под сидра и поставил в холодильник. Потом он помыл над раковиной руки и пошел к столу. Проходя мимо Джесса, он тронул его плечо. За Мисс Бесси он не сердился.

Джесс почти не заметил, что родители взглянули друг на друга, а потом — на него. Мать строго посмотрела на Бренду и показала отцу глазами, что надо ее приструнить. Но Джесс думал только о том, как хороши оладьи, и надеялся, что дадут еще. Почему-то он знал, что просить не надо, но удивлялся, что мать не предлагает. Потом он решил, что надо встать и уйти, но не был уверен, чего от него ждут.

Отец откашлялся.

— Мы с матерью думали сходить к соседям. И тебе бы надо пойти... — Он помолчал. — Ты ж один ее толком знал.

Джесс силился понять, что это значит, но не мог.

— Кого? — пробормотал он, понимая, что не надо бы спрашивать. Элли с Брендой только что не охнули.

Отец наклонился над столом и положил сыну на руку свою большую руку, взволнованно взглянув

на жену. Мать просто стояла и смотрела печальным взглядом.

— Твоя подруга Лесли умерла, — сказал отец. — Ты понимаешь?

Джесс выдернул руку и встал.

— Я знаю, это трудно... — говорил отец, когда Джесс шел к себе. Вернулся он в куртке.

— Готов? — Отец быстро встал. Мать сняла фартук и пригладила волосы.

Мэй Белл вскочила с коврика.

— И я пойду! Я никогда не видела покойников.

— Нет!

Мэй Белл села, словно голос матери ее прихлопнул.

— Мы даже не знаем, где она, дочка, — сказал отец.

Глава двенадцатая КАК ЖЕ БЫТЬ?

Они медленно пошли через поле и вниз, к дому Перкинсов. Там стояло машин пять. Отец постучался. Джесс услышал, как в том конце дома лает Принц и бежит сюда, к ним.

— Тиш-ш-ш! — сказал незнакомый голос. — Лежать!

Дверь открыл человек, наклонившийся, чтобы втянуть в дом собаку. Увидев Джесса, Принц вырвался и радостно скакнул к нему. Джесс поднял его за лапы и почесал ему шею, как чесал, когда тот был совсем маленьким.

— Я вижу, он вас знает, — сказал незнакомый человек, странно, слабо улыбаясь. — Заходите, пожалуйста.

Он отступил и пропустил их в дом.

Они вошли в золотую комнату, все такую же, только еще красивей, потому что в южные окна светило солнце. Здесь сидело человек пять, которых Джесс никогда не видел, кто-то шептался, а вообще-то, они молчали. Сесть было некуда, но незнакомец принес из столовой стулья. Отец, мать и Джесс напряженно сели и стали ждать неведомо чего.

Немолодая женщина медленно встала с дивана и подошла к матери. Глаза у нее были красные, волосы — совершенно белые.

— Я — бабушка Лесли, — сказала она, протягивая руку.

Мать смутилась и тихо выговорила:

— Миссис Эронс. Оттуда, с горки.

Бабушка Лесли пожала руки и матери, и отцу.

— Спасибо, что пришли, — сказала она и обернулась к Джессу. — А ты, наверное, Джесс. — Он кивнул. — Лесли... — глаза ее наполнились слезами, — говорила мне о тебе.

Джесс думал, что она еще что-нибудь скажет, но смотреть на нее не хотел и почесывал Принца, который крутился у ног.

— Простите... — проговорила она. — Не могу...

Человек, открывший им дверь, подошел, обнял ее и увел. Джесс слышал, что она плачет.

Он был рад, что она ушла. Получалось как-то нелепо, будто тетка в телевизоре говорила про зубную пасту и вдруг разревелась. Он огляделся, у всех взрослых были красные глаза. Ему захотелось сказать им: «Смотрите, я-то не плачу!» — и он какой-то частью разума стал это обдумывать. Только у него из мальчиков умерла лучшая подруга. Это вам не что-нибудь. Ребята в понедельник будут, наверное, шептаться и обходиться с ним уважительно, как обходились с Билли Джо Уимсом, когда у того отец разбился в машине. А он захочет — будет говорить, не захочет — не будет. Учителя ругать не станут. Мать даже девочек приструнит.

Вдруг ему захотелось увидеть Лесли. Где она лежит? В библиотеке или в Миллсбурге, в похоронном бюро? И как они ее похоронят, в синих джинсах? А может, в джемпере и в той блузке, которую она надевала в церковь? Это бы лучше всего. Люди еще посмеются над джинсами, а он не хотел, чтоб над Лесли смеялись, тем более что она умерла.

Вошел Билл. Принц спрыгнул у Джесса с коленей и подбежал к нему. Билл наклонился и почесал ему спинку. Джесс встал.

— Джесс, — сказал Билл, обнимая его, словно он не Джесс, а Лесли. Обнял он крепко, в лоб впилась пуговица, но Джесс терпел, не двигался. Он чувствовал, что Билл дрожит, и боялся посмотреть вверх — а вдруг тот плачет? Этого он не хотел бы видеть. Да и вообще бы лучше уйти. Что тут делать,

в этом доме? Почему Лесли не поможет? Прибежала бы, все бы засмеялись... «Думаешь, так приятно, если ты умер и все плачут? Ну уж нет!»

— Она тебя очень любила, — говорил Билл, и по голосу было ясно, что он плачет. — Она мне сказала как-то, что, если б не ты... — Голос у него сорвался. — Спасибо, — проговорил он наконец. — Спасибо, что так дружил с ней.

Говорил он странно, будто в кино. Они с Лесли посмеялись бы после фильма и стали бы передразнивать: «Бу-бу-бу, сю-сю-сю...» Двинуться он не мог, даже увернуться от пуговицы. К счастью, Билл отпустил его. Он услышал, как отец вежливо спрашивает насчет «службы», а Билл отвечает почти обычным тоном, что тело решили кремировать и завтра прах отвезут в Пенсильванию, в его родной дом.

Кремировать. Что-то щелкнуло у него в голове. Значит, Лесли нету. Она сгорела. Он ее больше не увидит, даже мертвую. Ни-ко-гда. Как они посмели? Она — его, а не ихняя! Никто его даже не спросил, никто ему не сказал. Теперь он ее не увидит, а они еще плачут. Не по Лесли! Нет, не по ней, по себе, по самим себе. Если б они ее любили, они бы ее не привезли в это проклятое место. Джесс крепко держал себя за руку, чтобы не ударить Билла.

Вот он, Джесс, ее любил, но ее нет. Она ушла, умерла, когда так нужна ему. Ушла, а его бросила. Ушла к этой чертовой веревке, чтобы показать, что она не трусит. «Вот так вот, Джесс Эронс!» Сей-

час она где-нибудь над ним смеется, как над миссис Майерс. Да, сыграла она с ним штуку! Вытянула в свой миф и, пока он там не обжился, взяла и бросила, как астронавта на Луне. Обратно не вернешься. Он — один.

Позже он не мог вспомнить, когда ушел, но помнил, как, сердито плача, бежал на горку, к своему дому. Когда он влетел в дверь, Мэй Белл глядела на него большими карими глазами.

— Ты ее видел? — жадно спросила она. — В гробу, да?

Он ударил ее, и так крепко, как никогда никого не бил. Она отшатнулась, резко вскрикнув. Он прошел к себе и стал рыться под матрасом, пока не вытащил альбомы и краски, которые Лесли подарила ему на Рождество.

Элли стояла в дверях, беспокойно на него глядя. Он прошел мимо нее. Бренда что-то такое ныла на кушетке, но слышал он только плач младшей сестры.

Из кухни он выбежал в поле и понесся, не оглядываясь, туда, к речке. Воды было немножко меньше. На яблоне болтался конец веревки. *«Теперь я бегая лучше всех в пятом классе».*

Он что-то крикнул, бросил альбомы и краски в бурю воду. Краски поплыли сверху, как лодочки, а бумагу стало затягивать вниз, кругами, кругами. Он смотрел, как они исчезают. Понемногу он отдышался, сердце стало биться потише. Грязи было мно-

го из-за дождей, но он сел на землю. Идти-то некуда. Так и будет. Он опустил голову на колено.

— Зря ты их выбросил, — сказал отец, садясь рядом с ним.

— Да ну их! Ну их! — Он опять плакал, просто рыдал, дыхание перехватывало.

Отец посадил его к себе на колени, будто Джойс Энн.

— Тиш-ш, тиш-ш... — говорил он, глядя его по голове. — Ну, ну, ну...

— Я ее терпеть не могу! — проговорил Джесс. — Не могу! Лучше б я ее вообще не видел.

Отец молча гладил его по голове. Когда он немного успокоился, они стали смотреть на воду.

Наконец отец сказал:

— Черт знает что, а?

Он слышал, как отец говорит так другим мужчинам, и почему-то ему стало легче.

— Пап, а ты веришь в чертей? Ты веришь, что люди попадают в ад?

— Ты что, беспокоишься о Лесли?

И правда, странно все-таки...

— Ну, Мэй Белл сказала...

— Мэй Белл? Она не Бог.

— Откуда ты знаешь, что Бог делает?

— Господи, Джесс, да не дури ты! Будет Он посылать в ад маленькую девочку!

Он никогда о ней так не думал, но Бог-то знает, ей еще нет одиннадцати. Они встали и пошли наверх.

— Это неправда, что я ее терпеть не могу, — сказал Джесс. — Не знаю, почему я так крикнул.

Отец кивнул — да, он понимает.

Добры с ним были все, даже Бренда. Все, кроме Мэй Белл, та от него шарахалась.

Он хотел попросить прощения, но не мог, слишком устал. Он вообще не мог придумать, как это выразить, какими словами.

Под вечер к ним явился Билл, спросить, не присмотрят ли они за собакой, пока он с женой в Пенсильвании.

— Конечно присмотрим.

Он был рад, что Билл к нему обратился. Он побаивался, не обиделся ли тот, когда он вдруг сбежал. Кроме того, ему хотелось знать точно, что Билл на него не сердится, а спросить он не мог бы.

Держа Териана, он махал вслед пыльной итальянской машине, пока она не свернула на шоссе. Кажется, и они помахали, но издали плохо видно.

Мать не разрешала ему завести собаку, но теперь сдалась. Принц прыгнул к нему на кровать, и Джесс проспал всю ночь, прижимая его к груди.

Глава тринадцатая

ДЖЕСС СТРОИТ МОСТ

В субботу утром, когда он проснулся, у него тупо болела голова. Было еще рано, но он встал, чтобы подоить корову. Отец доил со вторника, надо его освободить, чтобы все пошло нормально. Принца он запер в сарае, тот повизгивал, напоминая тем самым сестрицу, и голова болела еще больше. Но нельзя же, чтоб собака лаяла на Мисс Бесси.

Все еще спали, когда он принес молоко, налил себе стакан и взял два ломтя белого хлеба. Он решил пойти поискать свои краски, а собачку выпустил и дал ей пол-ломтя хлеба.

Стояло ясное весеннее утро. Зелень полей испещрили дикие цветы, небо было чистое, голубое. Воды стало гораздо меньше, совсем не так страшно. К берегу прибило большой сук, и Джесс перебросил его через русло. Потом ступил на него — ничего, прочно — и перешел, нога за ногу, хватаясь за ветки, чтобы не потерять равновесия. На том берегу красок не было.

Терабития была немного выше по течению. Вот бы перейти туда по бревну, а не лететь на веревке! Принц жалобно скулил и вдруг, набравшись храбрости, полез в воду. Его понесло было вниз, но он удачно выкарабкался и побежал, стряхивая на Джесса большие капли воды.

Они пошли в замок. Было темно и сыро, но ничто не говорило о том, что умерла королева. Он чувствовал — надо сделать то, что полагается, но что? Если нет, никто ему не подскажет. Вчерашний гнев поднялся снова. «Я полный дурак, сама знаешь! Что я должен сделать?» Холод поднялся к горлу, сжал его. Он несколько раз глотнул. Наверное, подумал он, там опухоль. Как это, один из семи смертных симптомов? «Трудно глотать». Его прошиб пот. Умирать он не хотел. Да господи, ему всего десять лет! Он и жить только начал.

«Если, тебе было страшно? Знала ты, что умираешь? Боялась ты, как я?» На миг он представил ее в холодной воде.

— Эй, Принц! — громко сказал он. — Давай сплетем для королевы траурный венок.

Он сел на прогалинку между берегом и первым рядом деревьев, согнул в кольцо сосновую ветку и связал ее мокрой веревочкой. Венок получился холодный, темный, и он вплел в него лесные цветочки.

Потом положил перед собой. Птица-кардинал села на берег и повернула сверкающую головку, словно бы глядя на венок. Принц зарычал или, скорее, заурчал. Джесс положил ему руку на голову.

Птица попрыгала и медленно улетела.

— Это знак от духов, — спокойно сказал Джесс. — Приношение правильное.

И, словно в траурном шествии, он неспешно двинулся к священной роще. Щенок шел за ним. Войдя поглубже в темную сердцевину, Джесс встал на колени и положил венок на ковер золотистых игл.

— Отец, в руки Твои предаю дух ее.

Он знал, что Лесли бы эти слова понравились. Они подходили к их священной роще.

Шествие двинулось обратно к замку. Крохотный кусочек покоя пробивался в Джессе сквозь хаос, словно птица сквозь бурю. Вдруг тишину разорвал крик:

— Помоги! Джес-си! По-мо-ги!

Джесс кинулся на голос. Мэй Белл добралась до середины бревна и стояла, беспомощно вцепившись в ветки.

— Сейчас, сейчас! — как можно спокойнее сказал Джесс. — Держись покрепче. Я иду.

Он не был уверен, что сук — даже не бревно! — выдержит двоих, и взглянул на воду. Можно бы перейти вброд, но течение быстровато... Не ровён час, собьет с ног. Он решил ступить на сук и пополз, пока не смог коснуться сестры. Ее ведь надо перевести туда, на ту сторону, где дом.

— Держись, — сказал он. — Ползи задом.

— Не могу!

— Я тут, Мэй Белл. Что я, дам тебе свалиться? Вот. — Он протянул ей руку. — Не выпускай ее и пяться боком.

Она попробовала и снова схватилась за ветку.

— Мне страшно, Джесси. Я боюсь.

— Конечно боишься. Всякий бы испугался. Ты, главное, ложись на меня. Договорились? Я тебе упасть не дам. Честное слово.

Она кивнула, хотя глядела все так же дико, но руку взяла, немного выпрямилась и покачнулась. Он крепко ее держал.

— Так, хорошо. Тут близко... ты подвинь правую ногу, а потом подтяни к ней левую.

— Я забыла, где правая.

— Которая вон там, — терпеливо сказал он. — Ближе к дому.

Она опять кивнула и покорно подвинула ногу на несколько дюймов.

— Теперь отпусти ветки, держись за меня.

Она отпустила ветку и вцепилась ему в руку.

— Молодец. Очень хорошо. Теперь проползи еще немножко.

Она покачнулась, но не вскрикнула, только впи-
лась ноготками ему в ладонь.

— Ну, молодец! Замечательно. Так.

Он говорил спокойно, уверенно, как санитар на
«скорой», но сердце у него просто бухало.

— Так... так... Еще немножко.

Когда ее правая нога ступила наконец на тот край
сука, который лежал на берегу, она упала ничком,
и он с ней вместе.

— Осторожно!

Он потерял равновесие, но свалился не в воду, а ей
на ноги. Собственные его ноги болтались над водой,
в воздухе.

— Ты что, убить меня хочешь?

Мэй Белл серьезно покачала головой:

— Я поклялась на Библии за тобой не ходить, но
утром тебя не было...

— Надо было кое-что сделать.

Она елозила по грязи босыми ногами.

— Я просто хотела тебя найти, чтобы ты не так
горевал. — Она опустила голову. — И перепугалась.

Он подтянулся и сел рядом с ней. Они смотрели,
как Принц переплывает речку, не замечая, что те-
чение относит его вниз. Наконец он выбрался под
яблоню и побежал к ним.

— Всем бывает страшно, Мэй Белл. Этого сты-
диться не надо. — Джесс ясно увидел, как блестели

у Лесли глаза, когда она шла к Дженис Эйвери. — Все пугаются.

— Принц не боится, а ведь он видел, как Лесли...

— Он собака. Понимаешь, чем ты умней, тем больше ты пугаешься.

Она недоверчиво на него посмотрела.

— Ты же не испугался!

— Ну что ты, Мэй Белл! Я дрожал, как желе.

— Неправда!

Он засмеялся — ничего не поделаешь, приятно, что она ему не верит, — засмеялся, вскочил, поднял ее.

— Пошли, — сказал он. — Надо поесть.

И побежал за ней к дому.

Когда он вошел в класс, то увидел, что миссис Майерс уже убрала из переднего ряда ее парту. Конечно, теперь, к понедельнику, он поверил, но все-таки, все-таки на остановке огляделся, наполовину надеясь, что она бежит через луг — ровно, прекрасно, мерно. А может, она уже в школе, Билл подвез ее — так бывало, когда она могла опоздать... Но когда он вошел в класс, парты не было. Почему они так спешат от нее избавиться? Он сел, опустил на парту голову, холодея от тоски.

Вокруг шептались, но слов он не слышал, да и не хотел бы. Ему стало стыдно, что он ждал от ребят участия, а то и почтения. Нажиться на ее смерти! «Я мечтал бегать быстрее всех в школе, и вот пожалуйста». О господи, какая гадость! Чихать ему, что говорят,

что думают, только бы не трогали и не смотрели... Только бы с ними не болтать. Они не любили Лесли. Все, кроме, может быть, Дженис. Да, травить перестали, но относились свысока, хотя они ее ногти не стоят! Что там, он сам подумал, что бегают лучше всех.

Миссис Майерс рывкнула: «Встать!» Он не шелохнулся. Да ну ее! Что она ему, в конце концов, сделает?

— Джесс Эронс! Выйди, пожалуйста, из класса.

Он поднял свинцовое тело и вышел в коридор. Кажется, Гарри Фалчер хихикнул, а может, и нет. Привалившись к стене, он ждал, пока Драконья Глотка отпоет: «О, видишь ли Ты?» — и присоединится к нему. Она дала какое-то задание по арифметике, а уж потом вышла, мягко закрыв дверь.

«Ну и фиг с тобой! Мне начхать».

Она подошла так близко, что он ощутил запах ее пудры.

— Джесси!

Голос у нее был очень нежный, но он не ответил. Пусть канючит. Он привык.

— Джесси, — повторила она, — мне тебя очень жалко.

Слова — ладно, штамп, а вот голос какой-то странный.

Сам того не желая, он посмотрел вверх, на нее. Глаза под приподнятыми очками были полны слез. Сперва он и сам чуть не заплакал. Ну картина! Они

стоят в коридоре и плачут по Лесли Бёрк. Это было так дико, что он едва не рассмеялся.

— Когда умер мой муж, — сказала она (Джессу и в голову бы не пришло, что у нее был муж), — мне говорили, чтобы я не плакала, чтобы я забыла. — (Нет, это подумать! Миссис Майерс кого-то любит, по кому-то горюет.) — Но я забывать не хотела. — Она вынула из рукава платочек и высморкалась. — Прости. Когда я сегодня пришла, кто-то уже убрал ее парту. — Она еще раз высморкалась. — У меня... у... у нас еще не было такой ученицы. Сколько я преподаю, а таких не было. Я всегда буду благодарна...

Ему хотелось ее утешить. Ему хотелось зачеркнуть все, что он о ней говорил... и все, что говорила Лесли. Господи, только б она не узнала!

— Так что я понимаю. Если мне тяжело, насколько тяжелее тебе! Давай помогать друг другу, хорошо?

— Да, мэм. — Больше он ничего не придумал.

Может быть, позже, когда вырастет, он напишет ей, что она считала ее очень хорошей учительницей. Лесли не рассердилась бы. Иногда надо дарить людям то, что нужно им, не тебе, — вот как эту Барби. Как-никак, миссис Майерс помогла ему понять, что он никогда ее не забудет.

Он думал целый день о том, что раньше, до Лесли, он был глупым мальчишкой, который рисовал смешные картинки и гонял корову по лугу, воображая себя ковбоем, чтобы скрыть от себя и от других сотни глупых мелких страхов.

Лесли увела его в Терабитию и сделала королем. Ведь король лучше всего, выше всего, а Терабития — как замок, в котором посвящают в рыцари. Там надо побыть и стать сильнее, чтобы двигаться дальше. Да, там, в Терабитии, Лесли освободила его душу, чтобы он увидел сияющий, страшный, прекрасный и хрупкий мир. (Осторожно, бьется!.. Все, даже злые звери.)

Теперь пришло время выйти. Ее нет, надо идти за двоих. Надо воздать миру за красоту и доброту, которую открыла ему Лесли, научив его видеть, придав ему силы.

Что до ужасов — он понимал, что будут они и дальше, — надо выдерживать страх, не поддаваться. А, Лесли?

Да, именно так.

Билл и Джуди вернулись в среду с контейнером. Еще никто не жил долго в Перкинсовом доме. «Мы переехали на воздух из-за нее. Теперь, когда ее нет...» Они отдали Джессу все ее книги, краски, кисти и три очень хороших блокнота. «Она была бы рада, что это у тебя», — сказал Билл.

Джесс с отцом помогали грузить контейнер. Часам к двенадцати мать принесла им кофе и бутерброды с ветчиной. Джесс знал, она немножко боится, что Бёрки не захотят такое есть, но все равно хотела что-то сделать. Наконец все загрузили. Обе семьи неловко стояли у контейнера, не понимая, как же им попрощаться.

— Ну вот, — сказал Билл. — Если вам что-то нужно, берите, не стесняйтесь.

— Можно, я возьму вон те доски? — Джесс показал на заднее крыльцо.

— Ну конечно. Что хочешь. — Билл поколебался. — Я думал оставить вам Принца. Но, — он посмотрел на Джесса детским умоляющим взглядом, — кажется, я не могу с ним расстаться.

— Лесли хотела бы, чтобы он был у вас, — сказал Джесс Эронс.

Назавтра, после школы, он сходил за досками и отнес их по две сразу к реке. Самые длинные он положил в узком месте, у яблони, прикрепил, как только мог, и стал прибивать перекладины.

— Ты чего делаешь? — спросила Мэй Белл, которая, как он и думал, увязалась за ним.

— Это секрет.

— А мне скажи.

— Когда закончу, ладно?

— Я на Библии поклянусь! Ну, никому, ни Билли Джин, ни Джойс Энн, ни маме... — Она серьезно кивала.

— Ну, Джойс Энн ты когда-нибудь скажешь.

Она просто испугалась:

— Наш с тобой секрет?!

— Вот именно.

— Да она маленькая совсем!

— Королевой сразу не становятся. Сперва ее надо обучить, подготовить.

— Королевой? А кто это будет королевой?

— Объясню, когда все сделаю, ладно?

Когда все сделал, он вплет цветы ей в волосы и провел ее в Терабитию. Тому, кто не ведает волшебства, великий королевский мост показался бы дощатым переходом через почти высохший ручей.

— Тиш-ш... — сказал Джесс. — Смотри.

— Куда?

— Вон туда. Да вот же! Народ Терабитии пристал на цыпочки, чтобы увидеть тебя.

— *Меня?*

— Тиш-ш... Да, тебя. Прошел слух, что юная красавица, которая прибыла сегодня, — та самая королева, которую они давно ждут.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Джесси Оливер Эронс-младший.	5
<i>Глава вторая.</i> Лесли Бёрк	15
<i>Глава третья.</i> Быстрее всех в пятом классе.	25
<i>Глава четвертая.</i> Правители Терабитии	37
<i>Глава пятая.</i> Лесли и Джесс, Гроза великанов	60
<i>Глава шестая.</i> Принц Териан	70
<i>Глава седьмая.</i> Золотая комната	78
<i>Глава восьмая.</i> Пасха	91
<i>Глава девятая.</i> Злые чары	100
<i>Глава десятая.</i> Самый лучший день	108
<i>Глава одиннадцатая.</i> Нет!	118
<i>Глава двенадцатая.</i> Как же быть?	125
<i>Глава тринадцатая.</i> Джесс строит мост	132

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

СЕРИЯ «ПОЧТИ ВЗРОСЛЫЕ КНИГИ»

К Э Т Р И Н П А Т Е Р С О Н

МОСТ В ТЕРАБИТИЮ

Ответственный редактор *Александра Сагалова*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Татьяна Бородулина, Лариса Ершова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 10.06.2015. Формат издания 60×90 1/16.
Гарнитура Mysl. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 5000 экз. Заказ № 10933.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

CPVK1751001R

